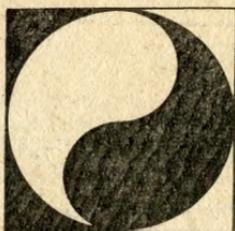

Новое
в жизни,
науке,
технике

ЗНАНИЕ

Подписная
научно-
популярная
серия

4'92

ЭТИКА

Ю.Я. Бондаренко

ЭТИКА
ПАРАДОКСОВ

Автор. БОНДАРЕНКО Юрий Яковлевич, кандидат философских наук, доцент Кустанайского педагогического института

Редактор: О.И.ПРОЦЕНКО

СОДЕРЖАНИЕ

Вместо предисловия	3
Что такое даосизм?	6
Патриархи даосизма и вершины даосской мысли	8
Таинственное Дао	16
«Забудьте мудрость», или Кто такой «естественный человек»	20
Недеяние	31
«У них были греховные мысли»	35
Примечания	45
Приложение	46

Бондаренко Ю.Я.

Б 81 Этика парадоксов (Очерк этики и философии даосизма). — М.: Знание, 1992 — 64 с — (Сер. «Этика» № 4).

ISBN 5-07-002544-9

Что такое подлинная нравственность и что значит быть современным человеком? Следовать должному? Читть заповеди и обычаи предков? А может, невзирая ни на что, идти к цели? О необычных, даже парадоксальных ответах даосизма на эти вопросы, позволяющих по-новому взглянуть на наши сегодняшние трудности и проблемы, о перекличке эпох и пойдет речь в брошюре

0301070000

ББК 87 7

ISBN 5-07-002544-9

© Бондаренко Ю Я 1992

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Шел 1981 год. За плечами была диссертация, совсем недавно защищенная в самом престижном вузе страны. Впереди — небольшая, но уютная аллея. Солнце над головой. И коляска с дремлющим в ней драгоценным свертком — первенцем сыном. Казалось бы, что же еще надо! А где-то там, «в груди», всплывали какие-то странные, не вяжущиеся со всем этим строки. О Кассандре, древней жрице, отвергнувшей любовь самого Аполлона и наказанной за это пророческим даром, который никто не принимал всерьез. Строки эти именно всплывали, и я до сих пор не знаю: не игра ли это памяти, и если игра, то чьи они?

Однако суть не в этом, а в том построении, в тех чувствах, которые, словно капельки смолы на коре, застыли в безыскусных, довольно банальных словах:

...Пророчица беды,
Я сквозь словесный чад
Иной провижу дым
И не могу молчать.

Судите — не боюсь.
Что значит суд людей?
Бессильных знаний груз
Стократно тяжелей.

Но эта тяжесть вам
Неведома, увы.
Рядясь в личину лова,
Вы лишь с мышами львы.

О царственные лбы!
Для вас гаданье — цирк.
Как больно зрячей быть,
Когда в цене сляпцы.

Напомню. Был восемьдесят первый год — и подобная тяжесть ненужных знаний давила многих. Ведь не сегодня же и не вчера мы разом стали зрячими...

Минули годы. Ровно десять лет... Я в холодном, как ла-
жечниковский «Ледяной дом», зале университетской биб-
лиотеки. Надо бы послать все к черту, плюнуть и уйти. Но
глаза не могут оторваться от бурого томика с неприятза-
тельным названием: «Поэзия эпохи Тан. VII—X вв.». Я снова
и снова вчитываюсь в незатейливые стихи о «Попугае», вы-
шедшие из-под кисти Ду Фу, китайского поэта VIII в.

Попугаеи владеют
Печальные мысли
Он умен — и он помнит
Про все, что бывало
Стали перья короче
И крылья повисли
Много слов он узнал —
Только толку в них мало
Но он все-таки ждет —
Не откроется ли клетка
Люди любят — да держат
В неволе железной
И пустеет в лесу
Одинокая ветка —
Что же делать ему
С красотой бесполезной?

(Перевод А.Гитовича)

Боже мой! Отбросьте шелуху слов — и вы увидите, что
стихи почти о том же. В них больше личной боли. Ощуще-
ния же бесполезности, никчемности знаний и слов то же
самое, как, впрочем, и в несравненно более древней оде
Сыма Цяня «Скорблю о ши (ученом), не встретившем
судьбу»

Познавать, чтобы стать украшением интерьера в доме
Хозяев, которым нет никакого дела до истины. Познавать,
чтобы всю жизнь провести в железной клетке условностей
и ритуалов, слыша временами ободряющее. «Смотрите,
какой у нас яркий, говорящий попугайчик!» — Все как у лю-
дей. Многим ли это легче пророческого дара, сжимаю-
щего грудь никому не нужной Кассандры!

Как же поистине тесен мир! Как же мало значат века и
километры, если люди, так отдаленные друг от друга, спо-
собны ощущать одну и ту же боль, терзаться близкими
предчувствиями, лепечать сходные надежды! — Эта мысль
приходила ко мне всякий раз, когда я окунался в порази-

тельный по своему психологическому и интеллектуальному
богатству мир китайских древностей. Мир и по сей день
еще остающийся «terra incognita» для большинства из
нас. Ну что мы, обычные люди, а не синологи — китаеве-
ды, знаем о Китае! Что некогда там была сооружена Вели-
кая стена, призванная стать щитом от набегов назойливых
северных соседей. Что там были императоры, мандарины
и «имперские амбиции». Правда, сегодня мы знаем еще,
что Китай был колыбелью восточных единоборств и сокро-
вищницей медицинских знаний, а китайская оздоровитель-
ная гимнастика, возможно, скоро будет у нас состязаться
с йогой, а то и обгонит ее. Да совсем недавно стало обре-
тать кое-какую популярность «Дао Любви», так органично
сочетающееся с культом обнаженного тела, в годы, когда
собственная кожа может остаться единственным, что не
придется покупать за астрономическую сумму в коммер-
ческих магазинах. «Дао» это становится даже модным. Не-
даром иные отечественные колдуны поспешили включить
его в арсенал собственных полезных советов.

Но все это — лишь мелкая рябь на поверхности, скрыва-
ющей глубинные течения философской мысли Дальнего
Востока, его поразительного по своей мощи и близости на-
шим дням духовного опыта. Целого мира, где этическая
мысль и неустанные, зачастую очень горькие размышления
об обществе и власти сливались в единый поток с размыш-
лениями о сущности человека как частицы Вселенной.

Именно китайская мысль, прошедшая на редкость дол-
гий путь Единой Цивилизации, дает нам изумительные об-
разцы слияния этических и политических воззрений с натур-
философскими идеями и медицинскими представлениями,
даже с магией. Это слияние и породило такое необычайно
интересное явление, как даосизм. Этика его настолько
своеобычна, настолько сплетена со взглядами на человека
и мир в целом, что, размышляя о ней, приходится постоянно
взмывать на головокружительные высоты, казалось бы,
«абстрактных» философских рассуждений и столь же
стремительно окунается в пучины магии, включающей, по-
мимо всего прочего, и детальнейшим образом разрабо-
танные теорию и практику интимных отношений противопо-
ложных полов. И в то же время даосские этические идеи,

умонастроения зачастую так тесно смыкаются с нашими собственными проблемами, что представляют для нас отнюдь не только сугубо исторический интерес.

Мы уже касались даосизма в разговоре об этике Конфуция (Серия «Этика», 1991, № 10). Но это был беглый, очень беглый взгляд, причем взгляд оппонентов даосизма. Теперь же попробуем взглянуть на даосскую постановку этических проблем изнутри, не забывая при этом, что перед нами этика, очень оригинальная для своей эпохи. Ее ядро — не свод правил, данных Богом, а представления о естественном человеке и его свойствах. Любопытно, что даже понятие *дэ*, которое в конфуцианстве означало достоинства человека, в даосской мысли выражало нечто более глубинное — свойства, коренящиеся в Природе.

Итак, приглашаем вас к краткому путешествию по ступеням даосской этико-философской мысли и, конечно же, к со-размышлению

ЧТО ТАКОЕ ДАОСИЗМ!

Великий хан полулежал, облокотившись на грудь подушек, в «Зеленом» загородном дворце, под прохладные своды которого не доходили чад и смрад растерзанного Самарканда. Глаза покорителя царств впились в щуплую фигурку редкородного старца, который, пройдя меж двух «очистительных» огней, склонился перед Чингизом в почтительном поклоне. Завоеватель и знаменитый мудрец. Что свело их вместе? Почему, по приказу Чингиза, перечить воле которого, казалось бы, не посмело само небо, 72-летний китайский философ совершил утомительнейшее трехлетнее путешествие? Для чего были пройдены 12 тысяч километров и оставлены позади многие страны? Что было нужно всеильному завоевателю от настоятеля далекого китайского монастыря? Быть может, глубины философии прельстили наконец пресытившегося кровью хана?

Кто знает. Скорее всего, из мудрости тысячелетия Чингизу нужна была лишь одна, но неповторимая крупица. Одним мановением пальца, одним движением брови, одним словом он мог послать на смерть тысячи людей.

Смерть была ему не страшна — но... чужая смерть. Однако никакие победы не могли остановить неумолимого шестивия лет. Чингизу было уже за 60, и с каждым годом он приближался к концу собственной жизни, с которой так не хотелось расставаться. Вот почему и стоял перед ним щуплый, словно сотканный из воздуха, старец — легендарный Чан Чунь, хранитель тайн философии и религии даосов, знаток, которому молва приписывала 200-летний возраст, о ком говорили, что он владеет секретами продления жизни, ключами бессмертия.

Так что же это за учение, потаенные знания которого столь заинтересовали стареющего Чингиза?

Дать однозначный ответ на такой вопрос непросто, а быть может, не по силам даже целой когорте ученых. Недаром Хенли Грил, автор изданной в 1970 г. в Чикаго книги «Что такое даосизм?», не без иронии пишет: «Если кто-либо полагает, что я собираюсь дать ответ на вопрос, поставленный в заглавии этой работы, то пусть позволит мне сразу же его разуверить. Я не буду столь глуп, чтобы пытаться дать единое самостоятельное определение того, чем является даосизм. По сути, чем более изучаешь даосизм, тем яснее становится, что он означает не школу, а целое сплетение доктрин».

Выделяя такие ветви даосизма, как философия, этика, магия и врачевание, специалисты порою замечают, что фактически они «не образуют органического единства», а при более широком взгляде, позволяющем окинуть разом всю панораму даосской мысли, проступают две, казалось бы, совершенно независимые величественные вершины — даосизм философский и даосизм религиозный. Поэтому китаеведы пишут, что понятие «даосизм» «оказывается столь широким, что, взятое само по себе, оно практически ничего не означает».

Так или иначе, но учение о дао оказывается весьма неподатливым для философского анализа, опирающегося на привычный нам набор категорий. Мало того. Оно едва ли укладывается на крепко сбитых полочках учебного «материализма» и «идеализма». Наглядное свидетельство тому — самые разноречивые, а зачастую и взаимоисключающие, суждения о мировоззренческом ядре даосизма. Здесь и

выводы о материализме и атеизме его творцов, включающие суждение о том, что родоначальник пестрого племени «даосов» «отрицал верховную власть неба» и даже решительное утверждение о том, что раннему даосизму вообще неведомо идеальное и потому он может быть охарактеризован как «панматериализм».

В то же время мы встречаем не менее уверенное определение даосизма как «объективного идеализма» (хотя и с элементами материализма) и, более того, мысль о том, что «мистичность древнего даосизма» — очевидна. Так, может быть, как ни парадоксально это прозвучит, философский даосизм — мистический материализм?

Как бы то ни было, а даже самый беглый взгляд на пеструю палитру мнений побуждает задуматься: а может быть, и в самом деле попытка подойти к даосизму с известными мерками, отчеканенными в словах философских «измов», то же самое, что стремление оценить красоту и обаяние с помощью весов и сантиметра? Даосизм же, подобно ветру, вновь и вновь прорывается сквозь сети понятий и, неуловимый, заполняет своим дыханием целый мир дальневосточной культуры, придавая ему особый, неповторимый аромат. Поэтому и мы здесь лишь попытаемся ощутить дыхание даосизма, очертив в самом общем виде его изменчивые, подвижные контуры, ускользающие из-под пера ученого-классификатора.

И все-таки что же такое даосизм? Как возникло само это слово и кто стоял у истоков одного из самых известных учений Востока?

ПАТРИАРХИ ДАОСИЗМА И ВЕРШИНЫ ДАОССКОЙ МЫСЛИ

Основателем даосизма принято считать полуполегендарного Лао-цзы, о котором древнекитайский историк Сыма Цянь сообщает в своих «Исторических записках», что он был архивариусом при дворе Чжоу. По преданию, Лао-цзы родился в 604 г. до н.э. и был старшим современником Конфуция, а кое-кто уже из древних авторов считал, что он был не просто современником, а и учителем последне-

го, известным под именем Лао Даня. Главный же его труд, которому суждено было стать кресалом дальневосточной религиозно-философской мысли, — это небольшой по объему «Даодэцзин» или «Книга о дао и дэ». (Пишется и иначе. Например: Дао Дэ Цзин // Древнекитайская философия. — Т.1. — М., 1972.) Правда, уже в очень давние времена находились и те, кто считал, что никакого Лао-цзы никогда и не было, а книгу составил Хуан Юань, или, при ином произношении, Гуан Инь.

Да и сказания о Лао-цзы расцвечены самыми яркими цветами народной фантазии, несущими явные следы буддийских легенд. По преданию, Лао как воплощение дао, подобно Будде, с незапамятных времен являлся в мир то в одном, то в другом облике, пока однажды не очутился в чреве божественной девы Юй-ньюй. Случилось же это самым неожиданным образом: когда чудесной ночью 1358 г. до н.э. дева, вдыхая ночные ароматы, прислонилась к сливе, с небес на ее полураскрытый рот спустился малюсенький светящийся шарик — едва заметная капелька Солнца, походившая на падающую звезду. Юй-ньюй проглотила его, после чего зачала дитя, которого носила в своем лоне 81 год.

Вполне понятно, что родился Лао не несмышленым младенцем, а мудрым, как старик, поэтому и имя его означает «старый ребенок» (переводят и как «старый учитель»). У новорожденного было золотистое лицо, белые волосы и большие уши, считавшиеся в Китае признаком особого ума. Сразу же после рождения Лао сел, скрестив ноги, под ту самую сливу, где был зачат, и указал на нее пальцем со словами: «Это мой род». Подростком он ступил на стезю ученичества, постигая сокровенные тайны волжбы и тайных наук. Научился продлять жизнь и вплоть до 1040 г. странствовал по Китаю. Затем же на колеснице, запряженной синим волом, отправился на запад и в Индию, где впоследствии возродился в Будде, так что, по этой легенде, буддизм оказывался порождением, причем довольно поздним, премудрого Лао-цзы.

С другой же стороны, в эпоху Тан (VII—X вв.) в Лао стали видеть и первого помощника бога Юань Ши Тянь Цзуна, олицетворявшего, помимо прочего, мощь императорской

власти, а со временем — и нередко самих императоров. Поэтому, как сообщает К Харнский, Лао-цзы был прозван Юань-Юань-хуанди, что в вольном переводе звучит примерно как «первый из первых императоров». Не обошлось, как водится, и без знаменательного сна, во время которого один старичок увидел длинноухого человека, назвавшегося духом Лао-цзы. Дух этот, не мешкая, обратился к старичку с поручением — делом государственного значения: «Иди и скажи государю, что я его предок». Вполне понятно, что поручение было выполнено. Узнавший столь важную новость основатель очередной династии повелел построить храм для поклонения своему именитому предку.

Но легенды легендами, а история историей, и как бы ни были туманны ее дали, целый ряд китайских историков философии считает, что «для отрицания историчности Лао-цзы» нет «никакого основания», как равным образом «нет никакого сомнения» в том, что Лао был автором «Дао Дэ Цзин», книги о дао и дэ. И тем не менее личность Лао-цзы по сей день остается полуполюгендарной, а «Дао Дэ Цзин» напоминает контуры грандиозных гор, подернутых дымкой времени. В этих контурах проступает мощь самобытной и в то же время в чем-то такой знакомой философской мысли, а прорисовка всего богатейшего пейзажа даосской духовной культуры встречается в неисчислимых трудах более поздних лет.

Количество чтимых даосами книг было необычайно велико. Только первое их собрание, вышедшее в 1019 г., насчитывало 4565 томов. Однако в этом безбрежном массиве есть вершины, которые стали зверстами даосской, да и общемировой философской мысли. И здесь прежде всего необходимо назвать «Чжуанцзы» — книгу, написанную в IV в. до н.э. Работу, где в образной, нередко заостренно-парадоксальной форме дается конкретизация многих, лишь едва обозначенных идеи «Дао Дэ Цзин». Именно в «Чжуанцзы» емкие, но словно зашифрованные размышления автора «Дао Дэ Цзин» обрастают плотью живых и запоминающихся историй, в каждой из которых — застывшие в кристаллах слов боль и мудрость столетий. По образному выражению В.И.Алексеева, «обаяние этой книги притчей... в

Китае настолько сильно, что... она никогда не теряла своей власти над китайским умом и до сего времени сохраняет в сознании китайца всю свежесть и все очарование гениального произведения, к которому вовсе не прикоснулся тлен времени...». А по мнению другого отечественного синолога, В.А.Рубина, относящего создание «Дао Дэ Цзин» лишь к примерно 300 г. до н.э., «Чжуанцзы» — не только «один из шедевров китайской философской прозы», но и самое раннее произведение даосов.

Сам Чжуанцзы (в разных изданиях дается по-разному: то Чжуанцзы, то Чжуан-цзы) родился около 360 г. до н.э. и дожил до 286 г. до н.э. Известно о нем очень немного. Возможно, потому, что Чжуан пренебрегал карьерой и, если не считать незначительного поста, который он, видимо, занимал некоторое время, большую часть своей жизни не имел никаких заметных должностей. Вполне возможно, что и сообщение о его краткосрочной чиновничьей деятельности — в какой-то мере дань китайской традиции, по которой упоминания на страницах исторических трактатов был достоин лишь тот, кто изловчился занять хотя бы скромное место на лестнице чинов. Правда, судьба не обошла Чжуана лестными предложениями. Его даже просили стать первым министром в Чу, на что он с гордостью ответил царскому посланцу: «Пост главного министра — поистине почетный пост. Но не приходилось ли тебе видеть быка, которого собираются принести в жертву? После того как несколько лет его откармливали, его ведут в храм, покрыв драгоценным покрывалом. В этот момент он с удовольствием поменялся бы местами с забытым всеми поросенком, но уже поздно. Прочь! Не пытайся развратить меня. Лучше я для собственного удовольствия буду плескаться в сточной канаве, чем позволю правителю царства надеть на себя ярмо. Никогда до конца дней своих не стану чиновником, так я оставлю себе удовольствие следовать собственным наклонностям и желаниям».

Не меньшее презрение вызывали у одетого в грубую, покрытую заплатами холстину Чжуанцзы и «пожалования», которые уже в те далекие времена частенько являлись наградой за «деяния» вполне определенного рода. В этом отношении показателен колоритный диалог хвастливого купца

и Чжуанцзы. Диалог, который позволяет многое понять и в социальных установках даосизма в целом. Роскошно одетый купец, насмехаясь над неказистым видом философа, стал похвалиться тем, что циньский царь наградил его сотней колесниц, на что Чжуанцзы невозмутимо ответил: «Заболеет, циньский царь пригласил врачей. Тот, кто вскрыл нарыв и удалил гной, получил одну колесницу, а тот, кто согласился вылизать геморройную шишку, — пять. Чем ниже способ лечения, тем больше дают за него колесниц. Как же ты лечил ему геморрой, если получил столько колесниц?»

Неприязнь к службе, требовавшей души в зародыше собственные чувства, и отвращение к цивилизации, штампующей холуев, добывающихся богатств и почестей бесчестьем и низкопоклонством, — вот, пожалуй, самое устойчивое настроение в притчах Чжуанцзы. Как мы увидим в дальнейшем, именно оно оказалось созвучным настроениям сотен тысяч простолюдинов, поднимавшихся под знаменами даосизма на крестьянские войны.

Но учение о дао оказалось столь многослойным и многогранным, что уже среди памятников раннедаосской мысли можно встретить и такие, которые рождались при дворе, что вызывало откровенное отвращение у Чжуанцзы. Самый уникальный и знаменитый из них, «кredo даосизма» — это «Хуайнань-цзы» (или «Философы из Хуайнани») — трактат, составленный при дворе князя Лю Аня (180—122 гг. до н.э.). Этот князь не только поощрял его создание, но и сам лично написал некоторые главы.

Судя по всему, трактат в немалой мере предназначался для образованной элиты, вынужденной каждодневно балансировать на скользких вершинах власти, и тем самым он напоминает творения Сенеки и Аврелия — философов, которым волею Фортуны приходилось решать аналогичные задачи. Но, пожалуй, в китайском трактате мы встречаем больший интерес к искусству управлять, а не умения сохранять божественную искру в бурях истории, о котором так много и с такой страстью пишут проповедующие бесстрастность великие римские стоики.

Но это и не маккиавелизм (в его расхожем понимании), не искусство придворных интриг, а нечто совсем иное

«Хуайнань-цзы» — это любопытнейший свод размышлений об этике правителя как искусстве организовывать «человечье общежитие». Искусстве, вырастающем из постижения дао, а значит, и природы — природы мира и человека.

Стоит заметить, что, взывавший к разуму, «Хуайнань» создавался именно в ту эпоху, когда зарождался и креп даосизм *религиозный*, который, по мнению ряда современных ученых, и следует относить к собственно даосизму, тогда как все, что ему предшествовало и не вписывалось в его рамки, было бы уместней назвать *протодаосизмом*.

Не углубляясь в спор о терминах, заметим, что дух религиозного даосизма и в самом деле во многом разительно отличается от иных настроений даосизма раннефилософского и интеллектуальной атмосферы, что так осязательно и в тех древнейших трактатах, которые, казалось бы, по своему назначению весьма далеки от философии. Приведем только крохотный отрывок из известного трактата Сунь-цзы о военном искусстве (конец VI — начало V в. до н.э.), где, как само собой разумеющееся, утверждается, что «знания наперед нельзя получить от богов и демонов». Утверждение это, как и рассуждение о том, что «полководец... не зависит от неба», — наглядные свидетельства существования мощнейшей струи трезвомыслия в древнекитайской политической литературе.

Однако уже в «Тай Пин Цзин», признанном одним из самых ранних произведений религиозного даосизма, мы встречаем мысль о том, что «благодаря гаданию можно узнать правду и ложь». И далеко не только о гадании заходила речь. Таинственные, изменчиво-неизменные грани бытия все более околдовывали мысль поклонников даосизма, преображая саму систему ценностей, идеалов и устремлений. И вот уже прежний Мудрец, взиравший со стоическим спокойствием на мир, незаметно уступал место Посвященному — святому — шэньсю, проникшему в тайны долголетия и бессмертия и сумевшему обрести чудодейственные свойства, позволяющие ему, как говорится, и в огне не гореть, и в воде не тонуть. Поклонники святых не сомневались в том, что сянй были способны летать, отделять душу от собственного тела, проникать в тела других

существ, оказываться одновременно в самых разных местах и совершать многое, многое иное.

Описания таких святых магов и поныне зачаровывают сплетением фантазии и бытовых деталей. Вот, например, рассказ о даосе Люс. Ему, по рассказу, «более ста лет, он мог дышать с громоподобным шумом, мог десять дней не принимать пищи (это, пожалуй, было бы нам как раз кстати) или в один день съест 500 кур (а вот это уже никуда не годится — Ю.Б.), дохнет на человека, а того словно огнем опалит; или положит в шутку себе на спину сырой пирожок, а тот тут же испечется, так что его можно есть. Зимой и летом он ходил в холщовом халате. За день проходил триста ли».

Рядом же со святими его неразлучной тенью являлся жрец, чье тело обрамлял головной убор с извивающимися язычками пламени — зримым символом «внутренней силы», устремленной к слиянию с вечным Дао-Космосом.

Живая, динамичная, как горная река, человеческая мысль обрастала гранитными берегами Учения, а переливчатые, неуловимо летучие брызги образов окаменевали в Абсолютных истинах, дарованных человечеству Посвященными. Прежнее «недеяние» («у-вэй») и следование «естественному пути» превращается в ритуал. Рождаются богослужения, обрастающее плотью заклинаний и магических действий. В их числе и жертвоприношения обоженствленному Лао-цзы, первые сведения о которых относятся к 165 г. Вместе с Лао в даосский мир входит все возрастающая масса божеств — многоликое племя существ, где некогда жившие на земле герои не чураются соседства с персонажами народных сказок и мифов. Появляются и множатся даосские секты и религиозные школы. Возникает даже теократическое государство.

Еще в начале нашего века действовало более 100 тысяч жрецов — даосов. Их иерархию возглавлял Тянь-ши, или «небесный наставник» («небесный учитель»), чья обитель находилась в горах «Дракона — Тигра» вплоть до 1927 г., когда она была взята частями Красной Армии.

Вполне понятно, что там, где появлялся целый сонм посвященных в тайны Вселенной, упования на собственные силы зачастую уступали место надеждам на более простой

путь — на помощь «специалистов» в общении с волшебными силами. Скажем, жрецов, которые по пути в храмы — просто и без проволочек собирали бумажные амулеты — немудреные молитвы с просьбами. Там же указывались «имя, год рождения и место жительства просителя, чтобы бог знал, по какому адресу он должен направить свои благословения».

Как верили, виртуозное владение искусством волжбы позволяло посвященным выполнять не только какие-нибудь мелкие пожелания, вроде избавления от навязчивой хвори, но и менять ход исторических событий, решать судьбы воевателей за престолы. Так, в популярном романе «Троецарствие», написанном жившим в XIV в. Ло Гуань-чжун(ом), мы встречаем пронзительного и остроумного Чжугэ Ляна, умеющего сочетать воинскую хитрость с волшебством даоса.

Вот он получает приказ коварного военачальника Чжоу Юя изготовить в кратчайший срок 100 тысяч стрел. Зная, что скоро будет густой туман, берется выполнить задание за три дня. Два дня живет беззаботно, затем ночью с двадцатью покрытыми соломой судами направляется к вражескому берегу, где устраивает жуткий шум. 10 тысяч воинов осыпают стрелами корабли, а он как ни в чем не бывало возвращается домой, привозя массу стрел, застрывших в солове.

А вот задача потяжелее. На Великой реке колышутся скованные цепью корабли злодея Цао Цао, имеющего 830 тысяч воинов против каких-то 50—60 тысяч врагов. Поджечь бы их! Да ветер в это время года всегда дует в иную сторону — сторону севера. Хитрый Цао Цао учел и это. Но не предусмотрел одного — магических даров Чжугэ Ляна, соорудившего с помощью пятисот воинов алтарь на высокой горе. Там он в благоприятный день и час «совершил омовение и, не вкушая пищи, облаченный в даосское одеяние, босой, с распущенными волосами, направился к алтарю».

Раздав помощникам необходимые приказы, «Чжугэ Лян медленными шагами поднялся на алтарь, обратился лицом на юго-восток, воскурил благовония и вознес молитву...».

В итоге, спустя недолгое время, подул желанный юго-восточный ветер — и на флот злодея устремились специ-

альные суда, заполненные горючей смесью. Корабли Цао Цао запылали, и он был разгромлен.

Потом, как сообщает автор, об этом сложили такие стихи:

«В ту ночь на Алтарь Семизвездья вступил Чжугэ Лян и подул

Вдруг ветер юго-восточный, уснувшую реку волнуя.

Но если бы план свой прекрасный не выполнил спящий дракон,

То были бы ни к чему все способности Чжоу Юйя», — флотоводца, сокрушившего огнем скованные друг с другом суда Цао Цао.

Так кто же он такой, поклонник «истинного» даосизма, — мудрец типа киника Диогена и Чжуанцзы, расчетливый и осторожный правитель, жрец и кудесник, способный оседлать облака, или, может быть, кто иной? И что же такое — даосизм религиозный? — Грехопадение некогда вольной философии в пучины суеверия? Особое царство духа, отделенное китайской стеной от своего философствующего предтечи? Или опять-таки нечто иное, хотя и отличное от собственно философского даосизма, но связанное с ним единой системой кровообращения, жилами, в которых пульсирует одна кровь, впитавшая одни и те же либо весьма близкие чаяния и боли?

Не нам решать здесь эти головоломные вопросы. Мы лишь попробуем проследить в самых общих чертах основные логические нити даосской мысли, выводящие ее далеко за сферу философских исканий. Но каковы же ключевые понятия, а точнее, — понятия-образы даосизма, в чем суть и истоки этого поразительного многоликого учения? Что такое дао? «Недеяние»? И кто такой Совершенный Человек, превратившийся в религиозном даосизме в Посвященного Чародея?

ТАИНСТВЕННОЕ ДАО

Итак, что же такое дао, поэтически названное исследователями «путеводной звездой даосизма»? Не так-то просто четко ответить на этот вопрос, хотя перевод, казалось

бы, вполне понятен: Дао — это путь, дорога и одновременно высший закон, которому подчиняется все сущее, вся жизнь во Вселенной, являющей собой текучее бытие, в основе которого взаимодействие и постоянный переход в свою противоположность двух начал: светлого, мужского — ян и темного, женского — инь.

В самой идее этого текучего двуединства мы отчетливо видим гениальнейшие ростки диалектических прозрений древних мыслителей Востока. Взглядов на мироздание, которые были запечатлены даже в гаданиях и интеллектуальных играх, и прежде всего в игре го, отдаленно напоминающей шашки. Любопытно, что число полей на доске для этой игры (361) близко числу дней в году. Как полагает Н.Цветков, «можно сказать, что го — это модель Вселенной, где черное и белое олицетворяют вечно противостоящие друг другу, но не способные существовать одно без другого земное начало «инь» и небесное «ян». Их противоборство вершит судьбы мира, где при всем внешнем хаосе побеждает все-таки стремление к гармонии».

Эту гармонию, воплощающую в себе действие дао, порождающего инь и ян, можно понимать и как естественный закон природы — и тогда мы увидим в даосизме зародыши материалистической мысли. Но можно понимать дао и как мистическую волю высших сил, что в итоге ведет к религии. Существеннейшим же в идее дао как пути-закона было интуитивное нащупывание всеобщих закономерностей — нитей, связующих Человека и Мироздание в единое целое. Уже с древнейших времен закономерности эти наглядно являл мир природы, и прежде всего небо с неизменным движением светил, ростом и таянием Луны, восходами и заходами Солнца. Можно было желать многого, но не было силы, способной нарушить ритмичный ход природных явлений, сбить его с закономерного Пути, ведь «небо не будет для одной вещи путать свои времена года».

Но дао — это не просто нерушимый закон. Это и неизменная первооснова всего изменчивого мира. Однако в отличие от витающих в недостижимой выси неизменных идей Платона дао — внутри самого мира. Это одновременно и вмещилище и вмещаемое: «находясь в мире»... оно «по-

хоже на горные ручьи, которые текут к рекам и морям» говорится в «Дао Дэ Цзин»

Правда, у ручьев есть ограничивающие их берега. Дао же беспредельно, и потому настойчивая мысль автора «Дао Дэ Цзин» рождает новый образ «Великое дао растекается повсюду». Это значит, что нет и не может быть ничего, способного оказаться вне дао, пропитавшего и вспоившего собой все мироздание в огромном дао «не исчерпывается, в мельчайшем не отсутствует. Поэтому-то (оно во) всей тьме вещей» и тем самым «объединяет в единстве и балку и столб, и уродину и красавицу Си Ши, и великодушие и коварство, и странное и чудовищное»

Продолжая ту же мысль, один из авторов «Хуайнань-цзы» в главе «Об изначальном дао» пишет, что дао покрывает небо, поддерживает землю, связует пространство и время. Безмерное и при этом «жидкое, кашицеобразное, оно тонко и мало». Здесь дао напоминает античный апейрон, понимавшийся как нечто «бесконечное». Именно в силу своей беспредельности, способности пронизывать все сущее, незримое дао поддерживает мир явлений, «сочленяет четыре времени года, дает влагу деревьям и травам» и вершит множество иных дел.

(Но место дао в китайской духовной жизни неизмеримо выше, чем место апейрона в античной мысли. Возможно, в какой-то мере потому, что апейрон, скажем, у Анаксимандра — лишь атрибут, неотъемлемое свойство «вечной и нестареющей природы», «объемлющей все небосводы (-миры) и космосы (-пространства) в них», тогда как дао — суверенная первооснова бытия.)

Это питающее и упорядочивающее мир начало мы могли бы назвать материальным. Но точнее было бы сказать, что древнекитайскому мыслителю дао представлялось как материально-духовное начало, приводящее в гармонию неозримый сонм явлений и событий и направляющее их движение подобно незримому дирижеру, чьи беззвучные взмахи превращают Вселенную в единый, дивно звучащий оркестр. «Ничто, — говорится в «Хуайнань-цзы», — ничего не вершит, а (все само) согласно с дао. Разумом проникнута и кончик осенней паутинки, и целостность всего огромного космоса». Иначе говоря, если дао — закономер-

ный путь всего сущего и основа гармонии Вселенной, то этот путь не может не быть разумным. Такая несколько более поздняя, чем в «Дао Дэ Цзин», трактовка дао напоминает Провидение Эпиктета, воплотившее в себе размышления над незыблемостью законов природы и поражающим воображение взаимосплетением явлений, их нерасчлененной целостностью.

Превращая весь мир в одно целое, безликое и бесформенное, дао при этом порождает текущие формы существ и предметов. Значит, оно — «Мать Поднебесной...». Но мать необычная, обладающая изначально неоплодими свойствами отца и потому не нуждающаяся в оплодотворении. По сути, это сама Мать-Природа. «Дао самовоспроизводящее, — говорит Лао-цзы, — дает жизнь всем существам без участия внешней силы». Ибо в дао слиты воедино, а точнее, еще не отделены друг от друга мужское и женское начало — ян и инь.

Правда, при упоминании дао в «Дао Дэ Цзин» преобладают образы, связанные с собственно женским началом. В дао, как вместилище вещей, можно усматривать и подобие женского лона. Поэтому синологи отмечают, что складыванию учения о дао предшествовало поклонение богине-Матери. Так, по словам Е.А.Торчинова, опирающегося на целый ряд зарубежных исследований, «в описании Дао в «Дао Дэ Цзине» присутствуют все значения, характерные для культа богини-матери. Дао — пустой сосуд (§ 4), пустота (§ 5), сокровенный мрак (§ 1), нарожденное, предшествующее небесному владыке (§ 4), сокровенная женственность (самка) — врата Неба и Земли (§ 6)»... Весьма интересно также, что в «Дао Дэ Цзин» «никогда не упоминается об отцовской любви, а только о материнской».

Как полагает Е.А.Торчинов, именно это понимание дао отражено в идеалах даосов, особо чтивших женственное и женоподобное, «в том числе и в прямом физиологическом смысле», в стремлении самим своим поведением подражать женщине, деве.

В более же древние времена поклонение женскому началу нашло воплощение в обычае, известном в Южном Китае: «Когда длилась вражда двух родов и на поле битвы бесцельно гибли люди, молодые женщины одного из ро-

дов, сняв свои одежды, медленно шли в сторону врага» чьи воины, «видя обнаженное женское тело», должны были прекратить бой. Что же, разумный обычай. Ведь куда приятнее иметь дело с обнаженной женщиной, чем с вооруженным мужчиной.

Но каковы бы ни были истоки идеи дао и каким бы причудливым образом ни преломлялась эта идея в религиозном сознании даосов и китайцев в целом, ее содержание неизмеримо глубже какого-либо культа, и в частности культа богини-Матери. Более того, в философском даосизме мать — лишь образ, а отнюдь не чеканная формула имени, обладающего страшной взрывной силой Потаенных Слов иудейского мира. Мира, воспреещающего произносить имя Божие всуе, ибо само звучание его может стать детонатором неподвластных человеку стихий.

В философском же даосизме нет такого трепета перед Словом. Напротив, по существу, здесь всякое слово — лишь бледная тень действительности, в лучшем случае вынужденное и не слишком-то надежное подспорье, а не самодовлеющая сила. Так, автор «Дао Дэ Цзин» говорит, что ему не знакомо имя Матери Поднебесной, поэтому-то он, «обозначая знаком», называет ее Дао. Однако это безымянное и бесформенное начало так интересует мыслителей потому, что в нем ищется ключ к скрытым пружинам такого человеческого поведения, такого образа жизни, который обусловил бы подлинную гармонию Человека и Мироздания.

Каким же должно быть это поведение? Каково его мерило?

«ЗАБУДЬТЕ МУДРОСТЬ», или КТО ТАКОЙ «ЕСТЕСТВЕННЫЙ ЧЕЛОВЕК»

Мерило верности поведения и жизненного пути в целом — соответствие этого пути Природе, подчиненной дао. И здесь уже нет ничего расплывчатого: следовать дао — значит, жить согласно с Природой, отвергая все искусственное, наносное, или, говоря языком философского даосизма, «человеческое».

Когда-то, в незапамятные времена, люди жили естественной жизнью — жизнью Природы: не было ни почитаемых, ни мудрых, ни презренных, ни милосердия, ни обязанности, ни добра, ни зла. Но шли столетия, и в погоне за славой, знатностью, богатством люди утратили гармонию с природой, а вместе с ней и гармоничность, естественность межчеловеческих отношений.

Да и мудрено ли это, если возжелания людей стали бесконечно превосходить то, что требует природа? Возьмите дикого коня — вот образец истинной свободы и ответственности: шкура согревает его, копыта одолевают каменные тропы. Пищей ему служит простая трава, а жажду утоляют ручьи и реки. И не нужны ему ни дворцы, ни тронные залы.

А вот люди — совсем иное. Чего стоят чудеса зодчества, роскошные одежды и изощренные забавы, о которых не раз и не два свидетельствовала история! Перелистаем «Исторические записки» Сыма Цяня — и перед взором всплывут освещаемые факелами пруды, наполненные вином, «леса» из густо развешанных на кольях, ветвях и пиках туш животных. А между ними — мелькающие то тут, то там нагие фигурки гонящихся друг за другом мужчин и женщин, услаждающих тем самым пресыщенного владыку. Зрелище, достойное императорского Рима, но знакомое Китаю за тысячу с лишним лет до нашей эры!

Так естественно ли все это? Неужели человек не может жить без оргий и дворцов, украшенных деревьями и цветами из изумрудов, рубинов и алмазов?

Да и только ли роскошь и оргии являют собой уклонение от природы? Разве развитие родственных чувств и предпочтение «своих» «чужим» не губит исконное единство человеческого рода? То же самое можно сказать о строгих правилах поведения и древних обрядах, которые так влекут конфуцианцы. Уповать на обряды предков и искусственно возрождать их — все равно что подобрать со свалки и таскать с собой соломенное чучело собаки либо ездить в лодке посуху. Попробуй потолкай! «Утомительно и бесполезно, да и для здоровья вредно. Конфуций же не ведает, — пишет Чжуанцзы, — что движение безгранично, что, соответствуя вещам, все развитие бесконечно... Так

же и обряды, долг законы изменяются в соответствии со временем»

Но в чем же причина всего этого уклонения от Пути? Где истоки расцветающего славолюбия, тяги к роскоши, раскола общества? Они — в стремлении людей создать свой собственный порядок, отличный от порядка Вселенной, «в том, что основа природы извращается, изначальная природа остается незавершенной, стада разбегаются, птицы поют по ночам засуха сжигает деревья и травы, беда наступает даже пресмыкающихся и насекомых, — вина тех кто наводит порядки среди людей» Тех чей девиз — деяние

Конечно, слово «деяние» звучит гордо. Вспомним, с каким пафосом произносил Фауст «Деяние — начало бытия!» Но какова оборотная сторона деяния?

Экономика Египта надрывается на строительстве пирамид. Династии китайских ванов и до и столетия спустя после создания книги Чжуанцзы становятся жертвами собственных амбиций, изнуряя и обескровливая страну грандиозными деяниями: то строительством Великой Китайской стены, потребовавшим чуть ли не два миллиона человек, то сооружением (возведением) при том же Цинь Шихуанди невиданных прежде дворцов, ради которого еще 700 тысяч человек было оторвано от своих полей. Шли века, а великие деяния, словно Молох, требовали все новых жертв. И вот уже Шунь-ди, не случайно оказавшийся последним в своей династии, собирает 170 тысяч подданных для рытья канала, предназначенного изменить течение Желтой реки — занятия, увенчавшегося лишь разорением крестьян.

Так как же себя вести, каким быть мудрецу в мире, где господствует суетливая борьба за власть и ускользающие блага и близорукость при благих намерениях? В мире, где «наведение порядка» сплошь и рядом оборачивается беспорядком, хуже которого еще не бывало?

Чтобы распутать этот клубок вопросов, надо отыскать еще более глубинные истоки бедствий человечества, забывшего о Пути. Но где же корни порядков, отвращающих от природы, и «деяний», ложащихся непосильным бременем на плечи всего народа и каждой отдельной личности, затянутой в их круговорот?

Они — в почтении к знаниям, тяге к мудрости и поклонении мудрецам. Вот где истинная причина бесчисленных смут и стихийных бедствий как ответа Природы, попираемой самоуверенными людьми.

Как видим, тут мы соприкасаемся с одним из парадоксальнейших мест в философии даосизма. С положением, которое так легко объяснить поддержкой ранним даосизмом «политики оглушения народа». Тем более что уже в «Дао Дэ Цзин» можно встретить призывы вернуться к «естественному» образу жизни далекого прошлого и «сделать так, чтобы народ снова начал плести узелки и употреблять их вместо письма».

О эта ненависть, это почти физическое отвращение к словоблудию платных любомудров, лжи и фальши! Ее неистовый огонь знаком и нам. Но пламя ненависти — страшное пламя, особенно если оно в державных руках. Вот, казалось бы, пишет поборник закона, и весьма неглупый, о том, что «в царстве мудрого правителя нет книг ученых, обучают закону, не ведутся разговоры о прежних мудрых правителях, учителями же считают чиновников...». Что до ученых, то было бы вполне благоразумно «пресечь их действия, уничтожить их сборища». Интересно пишет, а главное, современно-то как! Вот у нас все Маркс да Маркс — то все превосходит, то во всем набедакуррил... А читаешь в советы этого бедолаги Хань Фэй-цзы, кончившего свои дни в темнице, и начинает казаться, что именно по нему мы строили то, что столько лет называли социализмом, а сейчас и вовсе не знаем, как называть. Кому не известно, что у нас подчас был бы чин — а там учи себе на здоровье и как музыку писать, и как хлеб сеять, и какой длины юбки носить. Но пока Фэй-цзы писал свои труды — они были лишь размышлениями представителя так называемой философской школы «Фацзя».

Однако когда в кругу самых близких императору Цинь Шихуанди оказался последователь Фэй-цзы Ли Сы, размышления воплотились в иероглифы указа, воссочавше повелевавшего: «Казнить на площади тех, кто осмелится передавать устно тексты «Ши» и «Шу» (читимые конфуцианцами «Шицзин» и «Шуцзин». У нас за Библию уже на площади не казнили. Как-никак, а прогресс! — Ю.Б.). Уничтожить

вместе со всем родом того, кто во имя древности отрицает настоящее Чиновники, знавшие (о случаях нарушения данного приказа), подвергаются такому же наказанию (как и нарушитель приказа). Клеймить и сослать на строительство Великой Китайской стены (прообраз «великих строек коммунизма» — Ю.Б.) тех, кто в тридцатидневный срок (с момента издания приказа) не сожжет указанную литературу»

Любители точности могут заметить, здесь речь идет об указе, вдохновителями которого были мыслители иной школы, нежели даосизм. Но как же много здесь общей ненависти к «учености»! Недаром древнекитайский историк Сыма Цянь в своих исторических заметках помещает рядом жизнеописания Лао-цзы и Хань Фэй-цзы. Поистине непредсказуемо пугающи пути философской мысли, какие бы благие пожелания ее ни питали!

Но не будем спешить с выводами, а зададимся вопросом: что же такое знания, которые, говоря языком античности, становятся ключом к шкатулке Пандоры, скрывающей тьму неисчислимых бед и людских страданий?.. Кто же такие признанные ученые и мудрецы? И наконец, почему за тысячи миль от огромного Китая в маленькой Иудее Древо Познания стало такой же причиной грехопадения, как и мудрость в даосизме? И почему века спустя уже Христос, бичуя книжников и фарисеев, возгласил: «Мудрость мира сего — ничто пред лицом Господа» и призвал, «Будьте как дети»? Почему восставший против папы Лютер назвал разум «потаскухой дьявола»?

Не менее категоричным был и гигант русской мысли и духа Л.Н.Толстой, писавший в своей статье «О значении науки и искусства»: «Все, что мы называем культурой — наши науки, искусство, усовершенствование приятностей жизни, — это попытки обмануть нравственные требования человека, все, что называем гигиеной и медициной, — это попытки обмануть естественные, физические требования человеческой природы»

И наконец, почему (спустя столетия) совсем недавно просвещенный XX век, взывая доверять голосу крови и классовому чутью, не раз захлебывался этой самой кровью от ненависти к «гнилой» интеллигенции и всему то-

му, что принято величать Признанной Наукой? Ненависти, которая не иссякла, а напротив, обрела новую силу в последнем десятилетии этого века, когда, как и в прежние времена, зашатались устои академий и целых «направлений в науке»? Почему? — Не слишком ли устойчивы повторы, чтобы отнести их на счет ретроградства и мракобесия?..

Мы сидим на скрипящем, едва дышащем диване времен развитой перестройки, и мой оппонент не спеша разворачивает тезисы об «избыточности» существующей науки. — Наука — тот же мавзолей, требующий средств и человеческих сил, но, увы, далеко не всегда окупающий грандиозные расходы, лежащие на плечи нищающей страны. Так почему бы ее и не попрятать, когда всем нам приходится ту же и ту же затягивать пояса?..

Как видим, уже здесь самый простой подход к одному из сложнейших вопросов, когда-либо поставленных историей человеческого духа, — раздобывшая на казенных хлебах и все более неповоротливая мудрость ученых воспринимается как излишняя обуза, скинув которую можно было бы легче вздохнуть. Но, повторимся, это только первый, самый простой подход к проблеме.

В даосской критике «мудрости» куда более существенно то, что в Поднебесной, сходящей с истинного Пути, она превращается в рычаг и прикрытие злодеяний: «обезглавленные лежат друг на друге, закованные в шейные и ножные колодки толкаются друг о друга, приготовленные ожидают своей очереди у плахи. А между закованными в наручники и колодки... конфуцианцы и моисты, расхаживающие на цыпочках, размахивающие руками. О ужас! О позор! О бесстыдство! А нам и неведомо было, что их мудрость, их знания служат наручникам и колодкам; их милосердие, их справедливость служат долоту и ошейнику. Как знать, не явились ли Цзен (цзы) и Хронист (Ю) гремучей стрелой для Разрывающего на Части и разбойника Чжи? Поэтому-то и говорится: «Забудьте о мудрости, отбросьте знания, и Поднебесная обретет мир».

«Забудьте о мудрости» — ибо постыдно размахивать рукавами цветастых халатов и сотрясать воздух словесами ради стяжания славы и выгод, когда сама земля стонет от народной боли.

Когда писались эти иероглифы Поднебесная еще не знала ни замурованных в Великую Китайскую стену, ни высящихся вдоль дорог пирамид из десятков тысяч голов. Но стране уже были ведомы беспощадные и властолюбивые владыки. Ей уже были ведомы раскаленные медные бревна, ступая по которым обреченные на муки срывались в пламя, гложущее тела. Да, Поднебесной уже было ведомо это как и многое другое иное чего не знал следую- щий небесному Пути мир природы. И слова Чжуанцзы словно вопль-заклинание, несутся сквозь века, ошарашивая одним из самых вечных вопросов «Как можно самозабвенно копить знания в строго очерченных сотах мудрости и фехтовать словами в ученых поединках, не способных заглушить лягз смертоносной стали?»

И словно подхватив незримую эстафету, уже в нашем столетии И.Бунин неистово заговорит как можно щеголять ограниченной в строки стихов революционной фразой, любоваться хлесткой рифмой и джиги овать на Пегасе, когда из самой земли брызжет кровь, а палачи непреклонно и методично вершат свою «работу»?

Подытожив же эти рассуждения даосских мыслителей, мы можем заметить, что с их точки зрения «знания» и «мудрость» пагубны потому что они становятся средством возвышения над другими, превращаются в искусство ходьбы на цыпочках, когда людям добивающимся признания и почестей, по сути, нет дела ни до чего остального. Народ же тем не менее смотрит на них как на идолов.

Но еще опаснее — это то, что мудрость, которая в раннем даосизме фактически понимается как мудрость «книжников и фарисеев», отвращает от Подлинной Природы.

По существу, даосские мудрецы едва ли не самыми первыми поставили с невиданной прежде остротой вопрос о цене познания, о знаниях, которые могут быть использованы во зло. Вопрос, столь же животрепещущий и в наши дни. И это не случайно. Древний Китай к тому времени познал не только пресс «многоумных» проектов, но и бездушные холодные поиски истины. Задолго до опытов гитлеровских эскулапов нечто подобное вероятно, вершилось и в Китае. История сообщает что однажды император

Чжоу-синь (1154—1122 гг. до н.э.), чтоб разрешить свой спор с наложницей о том, в каких костях (молодых или старых) больше костного мозга, приказал хватать первых попавшихся под руку и ломать им ноги.

Символический пример пагубности праздного любопытства! Не уподоблялись ли и многие иные «ученые изыскания» праздному уродованию живой плоти, не способной оставаться собой, когда разрывались ее целостные ткани? Не утрачивает ли точно так же свою природную сущность дерево под рукой умельца, независимо от того, делают ли из него ритуальную чашу или ось для колеса? Ведь и там и тут дерево равно лишается жизни.

В свете этих рассуждений даосских мыслителей обретает глубинный смысл и известная китайская сказка об императоре, любившем золото. Когда ненасытность последнего была, казалось бы, удовлетворена, все, чего он ни касался, мгновенно превращалось в манящий металл, оказавшийся неожиданно орудием мучительной казни. Ведь, как и книжные фразы, золото, увы, нельзя ни есть, ни пить. Императора погубило то, что из-за его вожделений он сам, а вместе с ним и все окружающие утратили естественность, уклонились от извечного Пути, в силу чего сама жизнь оказалась невозможной. Таким образом, жалкий конец жадного императора — символ губительности утраты собственной природы.

В то же время чрезмерное увлечение словесной игрой мудрецов может просто-напросто увести в сторону от дел насущных. Так, повелитель, зачарованный магией слов, подобен царю, забывшему все на свете ради бесконечных фехтовальных поединков при дворе. Но как фехтование — еще далеко не все военное искусство, так и мудрость превращенных в идолы мудрецов — лишь капля в океане познания. Ведь возможности людей ограничены. Разве не знала история мудрых ванов, не умевших плавать, и других, столь же достойных, но не способных объезжать диких коней?

Лягушка, живущая в колодце, не может судить об океанской шире, а паутинка, дрожащая на ветру, — о высях гор. Так и ученый мудрец, как бы он ни был чтим, не в силах один объять необъятное: «В сравнении с тьмой вещей

не подобен ли человек кончику волоска на конской шкуре?» Поэтому чем крепче держится народ за признанную книжную мудрость чиновных ученых мужей, тем явственней он отгораживает себя от безбрежной Вселенной и подлинной естественной нравственности.

Более того, книжные знания, как и древние ритуалы, в принципе не могут стать основой Пути: «Книги содержат лишь слова, а драгоценное в словах их смысл. То, за чем следует этот смысл, не может быть передано в словах». Ведь дао невыразимо. О тайнах ремесла и глубинах познания можно лишь рассказать, как о сновидении, но их нельзя передать другому, ибо увиденное во сне — непередаваемо.

Итак, знание, собранное учеными мужами в соты книг ничтожно и раздробленно, оно подобно беспорядочному клубку дорог: как узнать, по какой идти, чтобы найти искомое?

Правда, тут может броситься в глаза явное противоречие между даосскими рассуждениями о книгах и появлении «Дао Дэ Цзин» — не говоря уже об обилии иных даосских книг. Это противоречие подметили довольно рано и поэт эпохи Тан По Шю-ю иронично писал:

Тот, кто говорит — не знает
Тот, кто знает — молчалив
Эти слова, я слышал,
Были сказаны Лао-цзы
Но если мы склонны верить,
Что Лао-цзы
Был тем, кто знал,
То как же он тогда написал книгу
В пять тысяч слов?

Итак, противоречие налицо. Но даосские мыслители, подобно тем, кто тысячелетия спустя истово клеймил «дипломированных лакеев» буржуазии и поповщины, искренне верили, что бичуемая ими книжность — это расщепленные словами лабиринты ложных знаний о ложных путях.

Отвергая это неподлинное Знание, даосский мыслитель да и всякий симпатизирующий даосизму*, фактически был уверен в том, что есть иное знание подлинного Пути. О том, сколь высоко была его цена в глазах многих китайцев, красноречиво свидетельствует рассказанная Сыма

*А много ли было в Китае тех, кто целиком отвергал даосские идеи, если, по словам академика В.М.Алексеева, ученый-китаевед — «конфуцианец по образованию даос по мировоззрению»?

Цянем история Хань Синя — редкостного богатыря и блистательного полководца, опрометчиво ввязавшегося в неудачный мятеж и уничтоженного со всем своим родом.

«Если бы, — назидательно рассуждает китайский историк, — Хань Синь изучал Дао, он был бы уступчив и скромнен, не хвастался своими заслугами и не гордился своими способностями, был бы недалеко от совершенства... Он был бы достоин того, чтобы последующие поколения приносили ему жертвы. Если бы он так не возгордился, он не поднял бы мятежа, когда Поднебесная уже была объединена (разрядка моя. — Ю.Б.). Разве не следовало уничтожить его род?»

Так в чем же секрет, где оно кроется, это бесценное знание, способное помочь ощутить логику истории и сохранить жизнь на самых крутых ее поворотах? Оно в том, чтобы вернуться к Единому — Дао как естественной и истинной первооснове жизни. Это знание выходит далеко за пределы книжной мудрости. Но не только ее. «...Человек — увы! — считает... (органы чувств) своим сокровищем». Подлинный же мудрец, стремящийся к дао, а не к внешнему признанию, не нуждается ни в далеких путешествиях, ни в подсказках органов чувств — он способен постигать, не глядя в окно и не выходя из дома. Иначе говоря, его познание — духовный труд, высвобождающий внутренний мир человека из липкой паутины ненужных привязанностей и «внешних» впечатлений. Это познание позволяет проникнуть туда, где успехи и печали, восторги и беды, даже жизнь и смерть начинают восприниматься как нечто единое, целостное, подчиненное неуклонному дао и потому неспособное вывести из равновесия подлинного мудреца — Естественного Человека. Ведь не выводит же никого из равновесия постоянная смена неразрывно связанных друг с другом дня и ночи.

В то время как обычные люди всю жизнь перекачивают свою плоть из одной ямы в другую, еще более глубокую, тот, кто нащупал Путь, освобождается от мирских бед. Для истинно мудрого познание Пути — это прежде всего обретение себя. «Мудрец не делает своего тела рабом вещей, не нарушает гармонии страстями. Поэтому в радости не ликует, в печали не скорбит. Тьма превраще-

ний, сотни изменений вольно текут ни на чем не задерживаясь», ибо мудрый не препятствует им. Поэтому он может сказать: «Я один, освобожденный, покидаю вещи и вместе с дао выхожу. Поэтому если обрел себя, то и под высоким деревом и внутри пустой пещеры найдешь соответствующее твоему естеству. Если же не обрел себя, то будь хоть вся Поднебесная твоим домом, а тьма народа слугами и прислужницами, все будет недостаточно. Способный достичь наслаждения и без наслаждения наслаждается, а всегда наслаждающийся познает предел наслаждения...»

Как видим, естественный человек даосизма во многом выглядит похожим на стоического мудреца. Но есть и существенное различие. Он не ликует в радости и не скорбит в печали не потому, что обуздывает страсти, а потому, что, погружаясь в Единое, преступает тем самым пределы радости и печали. Какое бы то ни было намеренное, целенаправленное самообуздание раннему даосизму чуждо. Его адепт может легко и свободно плыть в потоке собственных влечений, не чураясь всего естественного. Что естественно — то небезобразно, даже горб, раз уж он от природы... Поэтому-то даосский естественный человек принимал свое естество как должное: ест и пьет то, что требует тело. Как гласит одна притча, не нарушает дао и тот, кто может увлечься вином и женщинами, да так, что месяцами не покидает их покоев. Ведь это означает, что вина и женщин требовала его собственная природа.

Стремление расслабиться и развлечься — такое же естественное свойство человека, как желание пить и есть, ибо «чем же отличается от пленника в тяжелых оковах тот, кто не способен на миг беспечности».

Пройдут века, и этот поворот в понимании естественности вкупе с сексуальным мистицизмом приведет к детальной разработке дао любви — как пути к бессмертию, а порой — и к оргиям, осуждавшимся уже в средневековой литературе. Однако в целом призыв познавать дао и следовать ему — отнюдь не призыв к разврату, потому что как для стоиков, так и для раннедаосских мыслителей чрезмерное чреватое бедами и неустойчиво-

стью, ибо оно нарушает гармонию инь и ян, тогда как цель даосского мудреца — выход за пределы всего нестабильного и тленного.

НЕДЕЯНИЕ

Мы переходим к одному из стержневых и самых многозначных понятий даосизма — понятию *недеяния*. Его анализ требует особой работы. Мы же здесь лишь заметим, что это понятие — прежде всего цепь текучих образов, переливающихся друг в друга и нередко ошеломляющих неожиданными поворотами мысли. Образно говоря, идея недеяния распадается на два основных русла и три основные модели поведения. Первая модель — это совершенный человек, способный скользить по волнам бытия. Вместе с этими волнами он «вытягивается и сокращается, поднимается и опускается, покорный судьбе, послушно следует ее поворотам». Говоря современным языком, это мастер духовного серфинга. Никакие пучины ему не страшны. Ни болезни, ни страхи не поколеблют его, ибо «форма изнашивается, а дух не подвержен изменениям».

Словно листья с кочана капусты, подобный мудрец сдирает с себя все внешнее, приближаясь шаг за шагом к своей внутренней природе. Вот отброшены суетливость, зависимость от тщеславия и досужих мнений. Сдирается еще слой — и изысканная пища оказывается совсем не обязательной... Вот, сделав следующий шаг и познав величие Космоса, даос, подобно стоику, становится равнодушным к жизни и смерти и смотрит на все твари в Поднебесной, как на соломенное чучело.

Но в даосизме такое стоическое отношение к миру может оказаться и промежуточным этапом на пути к полному освобождению от тленных форм, делающих человека рабом Времени. Двигаясь дальше по истинному Пути, упорнейшие из мудрейших сдирают с себя все внешнее, освобождаясь в итоге и от своего внешнего «я», от привычной телесности, и таким образом сливаются с Космосом. Тем самым осуществляется переход к иному, более глубинному естеству

Достигший совершенства своих природных свойств (дэ) уподобляется новорожденному, избавляясь тем самым от уязвимости косной плоти: «ядовитые насекомые и змеи его не ужалят, свирепые звери его не схватят, хищные птицы его не заклюют... он совершенно гармоничен»

Естественный человек такого рода парит в пустоте, плывет в краю гибели, недоступном для смертных. «Бог грома у него в советниках, в наложницах Мифей (вероятно, богиня реки Ло), в женах — небесная Ткачиха (Богиня Утренней Зари — та, что тклет зарю) «В движении невидим, в покое неосязаем... он делает своими рабами демонов и духов...»

Конечно, подобные выражения можно воспринимать как образы, символизирующие духовную раскрепощенность естественного человека. Но, понимаемые буквально, они обретают явно мистические оттенки. И вот уже равнодушный к жизни и смерти мудрец превращается в отшельника, а тот, в свою очередь, — в чародея, владеющего секретами бессмертия и нередко выступающего в облике уже упоминавшегося шаньсяна. Так что собственно религиозный даосизм не создает ничего такого, что не стыковалось бы с понятиями даосизма философского. Он лишь наполняет соответствующим содержанием образы, которые вполне для него подходят. Но сами эти образы текучи, как текучи и воплощаемые в них модели поведения и социальные идеалы.

Поэтому-то Посвященный в тайны жизни и смерти естественно становится властителем дум и из одинокого мудреца превращается в вождя повстанцев, являя «вторую модель» совершенного человека. Как, к примеру, в случае с Чжан Цзяо — лекарем из Шаньдуня Искусство врачевания стяжало ему славу среди народа, и он сумел возглавить одно из мощнейших в истории Китая восстаний. Это движение, выросшее из недр даосских сект, собрало под свои знамена более чем миллионную армию повстанцев влекомых идеями Тайпигдао — «пути великого равенства» (или «благоденствия»). Движение вошло в историю под названием восстания «желтых повязок», названного так потому, что повязки стали знаком отличия восставших от их врагов. Сам цвет повязок был данью учению о необходи-

мости следовать дао, чтобы достичь счастливой эпохи Желтого неба, которой суждено сменить несправедливые времена Синего неба. Ибо несправедливость протivoестественна. Ведь, как писал еще Лао-цзы, «естественное дао напоминает натягивание лука. Когда опускается его верхняя часть, поднимается нижняя. Оно отнимает и отдает тому, кто в нем нуждается...».

Но если это так, то почему бы самим не натянуть лук справедливости, помогая тем самым природе и претворяя в жизнь законы Пути? Но путь этот совсем иной, нежели путь отшельника. Критически заостренная мысль направляет его во внешне совсем иное русло — туда, где проповедь недеяния, освященного дао, превращается в стимул социальной активности огромной взрывной силы. И это кажется парадоксом, изменой изначальной сути учения. Но кажется так лишь в том случае, если идею недеяния понимать как призыв к максимальной пассивности. Ведь тогда, по замечанию В.Л.Соловьева, даосизм при своем логическом развитии опровергает себя, ибо требует невозможного. Но такой подход к даосизму сегодня представляется упрощенным.

По сути, недеяние — это отказ не от действия как такового, а от насилия совсем над своей собственной природой, так и природой в целом. Недеяние — это постоянная готовность искать свой брод в потоке бытия, а не кидаться очертя голову в пучину «деяний». Путь дао — неизменен, и его не поколебать своеволием. Но мудрый использует дао как меч, рукоять которого зажата в ладони, тогда как невежда будет хвататься за лезвие. Использовать дао — значит умело использовать познание природы: понять себя и быть собой и на своем месте. Ведь даже тигр, спустившись в чуждую его природе долину, легко становится добычей охотников. Постигший же дао не будет предаваться занятиям, расточающим попусту жизненную энергию — ци. Так, «если бежать наперегонки с конем, то сколько ни усердствуй, не догонишь, а вступишь на колесницу, возьмешь в руки вожжи и конь замрет под дугой...».

Тут мы соприкасаемся с еще одной существеннейшей чертой даосизма: древнедаосское понимание познания пронизано духом этики. Постигший путь просто не может

уподобляться Скупому Рыцарю, созерцающему в уединении свои тайные сокровища. Знания Пути, как и всякие иные богатства, должны передаваться людям. Стремление утаить их, так и не разделив с учениками, согласно «Тайпинцин», — одно из самых страшных преступлений, за которое придется расплачиваться либо самому знатоку, либо его потомству. Но на то он и совершенномудрый, чтобы не умереть, не оставив учеников...

Когда же постигший небесное дао оказывается правителем (еще одна, третья модель совершенномудрого и поведения, соответствующего ему), то он точно так же учитывает и природу подданных, уподобляясь мастеру, работающему с деревом: для него среди стволов «нет ни малого, ни большого, ни длинного, ни короткого, каждое (дерево) определяется на то, к чему подходит». Так и люди: «каждый человек обладает своими возможностями», и требовать от людей можно лишь то, что им по силам. Это и значит следовать дао. Иначе же расцветут лицемерие и ложь, маскирующие неспособность вершить невыполнимые дела.

Совершенномудрый никогда не полагается лишь на себя, а понимая людей, умеет выслушивать их советы. Ведь многообразие мира и человеческих способностей, не умеющих в одном знатоке, — результат действия дао. Значит, дао требует достойным образом понять других. Поэтому «для того, кто опирается на ум многих, нет невозможного, кто использует силу многих — неодолим».

Внимая другим, такой совершенномудрый правитель не примешивает собственных суждений о добре и зле к тому, что относится к делам государства. Он не проявляет «гуманности», «милосердия» ибо даже милосердие как акт личной воли власть имущего — проявление произвола, нарушающего естественный ход вещей. Скажем, правитель милует приговоренных к смерти преступников и, показывая тем самым, что его воля выше обычая и закона, ослабляет устойчивость общества и государства. Ведь царство, в котором личное милосердие подменяет естественный порядок, чревато нестабильностью и смутой, возрастающей из произвола. «В государстве же, охваченном смутой... множество прославляемых, которые награждены незаслужен-

но; тех же, кто блюдет службу, без вины казнят. Властитель и высшие омрачены и лишены разума; слуги образуют группы и не преданны; болтуны упиваются красноречием; совершенствующие свое поведение соперничают из-за собственной выгоды. Властители и высшие отдают приказы и нарушают их из-за групповых интересов... Умные усердствуют в хитрости и лжи; храбрые проводят время в состязаниях. Большие чины сосредоточивают власть в своих руках, малые держатся за свои права, близкие партии объединяются, чтобы дурачить других. Такое государство хоть еще и существует, но оно уже погибло».

Оно погибло, ибо отошло от естественного Пути, тогда как всякая попытка изменить естественный ход жизни в угоду собственному самолюбию, произвольным устремлениям обречена на неудачу: неразумные претенденты на роль властителей мира будут смяты, словно стебли, попавшие меж спиц колеса судьбы...

Итак, в социальном плане мы видим два русла, по которым «растекается» *недеяние*. Первое — это уход в духе Чжуанцзы от государственной деятельности как извращающей естество. И второе — активная жизнь в обществе, но жизнь, соответствующая дао и позволяющая тем самым сохранить внутренний стержень, делающий совершенномудрого независимым и устойчивым даже в том случае, когда он находится в гуще событий.

Но перелистаем страницы истории — и увидим еще одну, быть может, одну из самых таинственных и притягательных граней даосизма...

«У НИХ БЫЛИ ГРЕХОВНЫЕ МЫСЛИ»

Просторная площадь. Море тел, замирающее в ожидании решающего мига. Цепенеет все. Даже ветер. И только руки солдат движутся с механической точностью поршней машинной цивилизации, непрошено ворвавшейся в старый, уютный мир Востока. Бесстрастно поднимаются поблескивающие на солнце стволы винтовок. Приклады врастают в плечи, превращая сталь и дерево в продолжение рук. Сейчас будет дан приказ, и обжигающие брызги свин-

ца устремятся к группе мужчин в пропыленных синих одеждах простолюдинов. Что это? Расстрел? Предтеча тех, что несет человечеству вступающий в свои права XX век, пока таящий и 9 января, и подвал Ипатьевского дома, и Катынь, и Бабий Яр, но уже разжимающий пальцы, которым предстоит надолго привыкнуть к спусковому крючку?

Да, сейчас гроыхнет залп. И губернатор многолюдной провинции Шаньдун Юань Шикай не сомневается в результатах. Ведь именно по его воле толпа затопила площадь, ожидая зрелища, а может быть, и чуда. И все-таки это не просто расстрел. А состязание Смертельный спор. Техники и магии. Расчета и этики, требующей не только праведных действий, но и безукоризненной чистоты помыслов. Ружейные стволы направлены на смутьянов, подбивающих народ крушить железные дороги и телеграфные столбы, очищая Поднебесную от чужеземной скверны. Мало того, эти люди смеют утверждать, что постигнутое ими искусством даосских магов сделало их тела неуязвимыми для пуль.

Что-то они думают сейчас, когда стволы уже на уровне груди? Так ли уж свято верят во всесилие даосской этики и волжбы?

Впрочем, им уже ничего не остается, как верить... Звучат выстрелы. Обмякшие тела безжизненно распластываются в пыли, буреющей от крови.

Юань Шикай доволен. Смутьянам и внимающим им невеждам дан наглядный урок. Однако торжествовать еще рано. Конечно, то, что злосчастные чародеи оказались поверженными, неоспоримо. Но многие шепчут и даже открыто говорят, что повинно в этом не бессилие древней даосской волжбы, а то, что у тех людей, кого прошили пули, были греховные мысли. Надо очистить душу, и, вооружившись заклинаниями, можно пройти сквозь любой стальной дождь, ибо праведные сильнее металла, который все-навсего — лишь один из пяти первоэлементов...

Так думали многие. Очень многие. Выстрелы в Шаньдуне не остановили огромные массы людей, поднявших восстание, вошедшее в историю как движение Ихэтуаней, или восстание кулака, прокатившееся по Китаю в 1899—1901 гг. Название это возникло потому, что ядром восстания стали тайные даосские школы восточной борьбы, а мечи и трени-

рованные руки и ноги становились нередко главным оружием восставших. Да таким, что правительственные войска тщетно пытались остановить их движение на Пекин, где они летом 1900 г. целых 56 дней осаждали посольский квартал как гнездо дьяволов-чужеземцев. Понадобилось 40 тысяч отлично вооруженных иноземных солдат для того, чтобы разметать ряды ихэтуаней и беспощадно истреблять всех, кого лишь подозревали в сопричастности к «боксерам».

Вера в действенность сплава этики и волжбы местами была так сильна, что уже в 20-е гг. в Хубэе по настоянию самих приверженцев даосизма, добровольно ставших под пули, был повторен смертельный шаньдунский эксперимент. И хотя здесь обошлось лишь ранениями, было слишком явно, что ни праведные помыслы, ни виртуозность тренированных тел, ни заклинания не способны стать щитом от крохотных, почти не осязаемых ладонью, штампованных кусочков металла. Что уж говорить об оружии куда более грозном?

Так чего же тогда стоит вся эта этика и психология там, где ничего не стоит нажать на спусковой крючок?

Что же, выпущенную пулю не вернуть в ствол винтовки ни благими помыслами, ни назидательными речами. Житейская мудрость бесполезна, когда кишки намотаны на штык или острие копья. Но как часто разящий удар — лишь итог неразумных деяний и нелепых амбиций, тогда как и на войне всегда существует путь глубокомудрого недеяния, искусства побеждать, не рассекая жилы и не проламывая черепа.

В старинной даосской литературе сохранилось немало любопытных назидательных историй, призванных служить обоснованием идеи недеяния в приложении к воинскому делу. В одной из них рассказывается о полководце, поднявшем войска для штурма вражеского города.

Не успели его воины подойти к стенам, как те рухнули сами собой. Как тут не вспомнить библейский Иерихон! Однако последствия разрушения укреплений здесь оказались иными. Полководец тут же, ко всеобщему удивлению, приказал ударить в гонг и ступить, хотя военачальники горячо убеждали его в обратном. «Если небо помогает нам — зачем же уходить?»

В ответ на это полководец возразил: «Не следует пользоваться чужой неудачей. Пошлите починить стену. Когда стена будет готова — снова атакуем». Прослышав о таком благородстве, жители, не дожидаясь штурма, сдали город. При этом не было пролито ни капли крови. «Вот почему, — завершает рассказчик уже знакомой нам сентенцией, — Лао-цзы говорит: «С тем, кто не соперничает, в Поднебесной никто не может соперничать».

Итак, лучший бой тот, которого не было. Но избежать излишнего кровопролития можно не только мягкостью, одолевающей твердостью. Хороший полководец вовсе не должен быть мямлей и прекраснородушным сибаритом. Напротив, ему не обойтись без сильной воли и жестких подчас мер. У Сыма Цяня есть один явно назидательный рассказ о Тяне — человеке незнатного рода, которого в минуту опасности один правитель пригласил на должность полководца. Тот поначалу отказался, сославшись на свою неизвестность, и полководцем назначили родовитого князя.

Князь на радостях устроил пирушку, и поскольку он теперь был главным, не слишком-то спешил на встречу с войском — во всяком случае в назначенное время не явился. В ответ на это неродовитый Тянь Жан-цзюй принял на себя командование войсками и, уточнив у специального чиновника, как следует наказывать по закону того, кто в срок не явился на службу, приказал отрубить голову титулованному нарушителю на глазах у всего войска.

Едва свершилась казнь, как вернулся тайно посланный к государю гонец и вихрем пронесся по лагерю, везя с собой запоздалое решение о помиловании.

«Когда полководец командует армией, он не принимает Повелений государства», — ответил гонцу Тянь Жан-цзюй и добавил, что «в расположении войск нельзя ездить галопом». За подобное нарушение порядка лишали головы так же, как и за предыдущее.

Но поскольку гонец был все-таки от повелителя, Тянь заметил: «Это посланец государя, и казнить его нельзя. Отрубите от колесницы оглоблю и убейте левую пристяжную. Мы дадим наглядный урок всей армии!»

Однако полководец отнюдь не был деспотичным. Он сам раздавал лекарства больным и делил между воина-

ми предназначавшийся для него провиант, ибо прекрасно сознавал, что, когда готовишься к встрече с врагом, есть нечто куда более ценное, чем «спецпаек», положенный «по чину». И это нечто — спайка воинов и их доверие к полководцу.

Расчет оказался точным. Враг отступил еще до столкновения, так что кампания была фактически выиграна еще до того, как обнажились мечи и засвистели стрелы..

Стоит заметить, что в старинной китайской литературе этика полководца, его умение общаться как с новой знатью, царем, так и с простыми воинами оказывается неотъемлемой составной частью воинского искусства. Хороший полководец не речами, а собственным примером поднимает боевой дух солдат. И пример этот — не бесшабашная удалость лихого рубаки. Нет, это твердость и независимость в отношении тех, кто выше, и естественность, доброжелательность и простота при обращении с простым воином. Для такого полководца нет ничего грязного и постыдного из того, что может пойти на пользу участнику грядущей схватки. Он и лекарства раздаст «своею собственной рукой», а если потребуется, вскроет нарыв и высосет гной, подобно герою одной из парадоксальных историй Сыма Цяня. Парадоксальной потому, что узнавшая о случившемся мать молодого воина, удостоившегося такой трогательной заботы, заливается горькими слезами. Ведь эта забота того, кто призван вести на смерть. Женщина помнит, что ее муж, вкусивший такую же заботу, забыл о страхе и всяком чувстве самосохранения, кинулся в самое пекло и пал. Пал смертью храбрых. Но разве доблестная смерть вернет мужчину в объятия любящей женщины?..

А теперь и сын обречен на ту же участь, ибо беззаветная преданность полководцу заставит и его забыть о себе...

Как видим, приведенные рассказы необычайно интересны с точки зрения истории этики, и прежде всего воззрений на этику полководца и руководителя вообще. Правда, уже вторая выходит за рамки собственно даосизма. Ее герой не предается «недеянию», не выжидает, а действует. Но действует не наобум, не основываясь на том, что можно было бы назвать волевыми решениями принимаемыми

вопреки чему-то, а напротив, «сообразуется с обстоятельствами», как тому и учил Лао-цзы, говоривший о дао.

Так, в духе «Хуайнань-цзы» он, принимая решение о наказании, всякий раз советуется со знатоком законов, демонстрируя тем самым не свою личную власть, а следование порядку, который выше его самого. К тому же он, Тянь Жан-цзюй, чутко улавливает потребности подчиненных, учитывает их «естество». Все это позволяет ему одержать даосскую по своей сути победу — победу до несения удара.

Есть здесь и еще один очень любопытный — чисто психологический — нюанс. Обратили ли вы на него внимание? Вспомните: какое на первый взгляд необъяснимо жесткое наказание следовало за езду галопом по лагерю. Что ж, история Китая, как и история вообще, знает немало нелепостей! Мало ли нам известно самых вздорных запретов! Но как раз тут дело, пожалуй, было в ином. Ведь запыхавшийся гонец на колеснице, несомой взмысленными лошадьми, мог если не посеять панику, то уж несомненно взбодражить лагерь. Нарушить равновесие, гармонию инь и ян — невозмутимость духа, которая так высоко ценилась в даосизме.

Так мы переходим к иной, психофизиологической стороне философии и этики недеяния, во многом созвучной и нашим личным проблемам. Как известно, «ждать, не дожидаться — хуже всего». Сколько раз тренированные штангисты «перегорали» до соревнования и не могли поднять привычный им вес. А как часто школьник и студент забывает на экзамене то, что он «учил». Не говоря уже о том, что каждому из нас приходится попадать в ситуации, когда просто необходимо умение бесстрастно ждать, расслабившись и отключившись от окружающего. Например, в аэропорту при задержке рейса. Что проку метать молнии, которые все равно никого не поразят и ничего не изменят? Хочешь не хочешь, а остается лишь изменять себя. Изменять, чтобы не расходовать энергию, которая еще пригодится для дела.

Столь же важно умение собраться с силами, не дрогнуть перед лицом опасности. Не случайно иные исследователи считают, что исход многих рукопашных сражений про-

шлого решался до того, как преломлялись копыя и звенели мечи — слишком уж несоизмеримы были частенько потери разных сторон. Это можно объяснить тем, что в томительном напряженный период сближения кто-то «ломался», и поэтому бой превращался в побоище, в избиение тех, кто внутренне уже был разбит.

Потому-то нет ничего удивительного, что сконцентрированное на «внутреннем мире» учение даосов, равно как и буквально впоенный его идеями дзэн-буддизм (чань-буддизм), оказались сплетенными причудливыми нитями с деятельностью восточных школ рукопашного боя. Постигание тайн боевых искусств органически связывалось с самопознанием и самосовершенствованием, в результате чего тело посвященного становилось «крепким, как сталь, мягким, как вата, тихим, как лес, быстрым, как ветер». Но что еще важнее — так это совершенствование духа, открывшего себя Небу. По словам востоковеда А. Долина, считалось, что занятия у-шу — «это своего рода слияние с Абсолютом, мистическое таинство... Описано немало случаев, когда при коллективном исполнении тао (системы своеобразных упражнений. — Ю.Б.) под руководством наставника все участники во главе с мастером — шифу впадали в мистический транс, доходя до состояния каталепсии».

И тут мы сталкиваемся с парадоксальным явлением: необычайно важной стороной боевых искусств Дальнего Востока и сплавленной с ними «мистики» оказывается их своеобразный и очень четко прослеживаемый рационализм. Нет, это не примитивный расчет со скрупулезным взвешиванием выгод на весах рассудка. Ибо, как говорится в уже японском «Хабакуре Бусидо» («Путь воина»), «что есть смерть, как не убыток? Что есть жизнь, как не корысть?» Поэтому не в меру расчетливый должен опасаться смерти, ибо он будет действовать только с корыстной целью. «Значит, такой человек — трус».

Суть же восточного рационализма в ином — в умении подняться как над мелочным расчетом, так и над необузданными страстями, наглядный пример чего можно встретить в рассуждениях о том, как, выражаясь современным языком, наиболее оптимально вести себя в разгар сражения:

«Когда я находился лицом к лицу с врагом, мне казалось, будто меня окутала какая-то тьма. В этот момент я был сильно ранен. А как вы, достопочтенный господин?

— Это правда. Когда я оказался в самой гуще врагов, меня окутал какой-то туман. Я остановился на миг, чтобы успокоиться, и тогда наступил просвет. Если бы я сразу пошел вперед, я бы не смог причинить врагу столько вреда, сколько причинил».

Здесь остановиться на миг означало обрести утраченное равновесие, нащупать вновь ускользнувшую из-под ног точку опоры, которую дает расслабленно-собранное, естественное состояние, подобное состоянию готовой к прыжку пантеры, чье тело безошибочно направляет сама природа.

Даосизм же вообще изначально концентрировал внимание именно на необходимой самозащите. Как пишет востоковед Н.В. Абаев, «даосская этика» запрещала применять оружие без крайней на то необходимости, и вообще была пронизана очень миролюбивым настроением.

Помимо прочего, с традиционно даосской точки зрения — нападать первым не только не этично, но и невыгодно. Эти взгляды очень точно и емко выразил современный мастер цигун Ван Дандин. По его словам, «нападающий первым нарушает гармонию и, значит, должен быть наказан. Мастер в этом случае — только орудие всеобщих законов, он как бы не обладает собственной волей, а лишь восстанавливает гармонию. Сливаясь с природой, он становится частью бесконечного пульсирующего космоса, а кто же в силах справиться с таким противником?».

Необычайно важна здесь и связь философско-этических воззрений с сугубо психологической и даже тактической стороной дела. Как полагает И.К. Чен — автор известной, вышедшей в Гонконге книги «Тайцзыцюань (Тай-цзы Цюань)». Его воздействие и практическое использование, особенностью этого вида восточных единоборств — в естественной плавности и мягкости, в умении усыпить бдительность противника кажущейся покорностью, чтобы в надлежущий момент сокрушить его неотразимой контратакой.

Нападавший же первым не только раньше смещал центр тяжести, теряя свою естественную устойчивость и

обнажая свои намерения, но и демонстрировал невыдержанность, которая при равном мастерстве была явно не в его пользу. Именно поэтому, по словам Н.В. Абаева, даосские мастера кулачного боя и фехтовальщики предпочитали не наносить удара первыми, давая тем самым противнику лишний «шанс» попасться в ловушку...

Основываясь на даосской тактике, пишет Н.В. Абаев, «японские фехтовальщики создали впоследствии очень своеобразную форму боевого единоборства — так называемый «поединок сердец», во время которого два соперника сажались друг против друга с мечами, вложенными в ножны, и ждали, пока один из них не выдерживал и не хватался за рукоять меча: В этот момент судьбы обычно останавливали поединок, считалось очевидным, что проигрывает тот, кто взялся за меч первым, не успеет он провести свой прием, как будет зарублен. В данном случае побеждала прежде всего психическая мощь, выдержка, обретенная в процессе длительной тренировки, т.е. «духовный меч» бойца, являющийся, по мнению даосских мастеров военн-прикладных искусств, самым сильным из всех видов орудия».

Претворение в жизнь подобного отношения к воинскому искусству ярко проиллюстрировано в известном фильме «Семь самураев», который уместно сопоставить с колоритным «Александром Невским». В последнем один из главных героев, «поймав мгновение», неистово размахивает топором и пробивает брешь в стене орденских копыеносцев. Он действует как типичный скандинавский берсерк — воин, взвинтивший себя до такой степени, что его душа и тело превращаются в неподвластную разуму стихию, обрушивающуюся, как смерч, на ошеломленного врага. Того же порядка и истинно русские бесшабашность и удаль Буслаева.

В «Семи самураях» мы видим нечто иное. Вспомним характерную сцену у старого замка, когда два самурая состязаются в умении владеть оружием. Стоило им сменить бамбуковые палки на мечи, как старый воин заметил, что тот, кто петушится, обречен. И в самом деле, весь пыл задиры — ничто в сравнении с холодным спокойствием его противника, который, почти не двигаясь с места, направляет лезвие своего меча так, что тело атакующего само низывается на смертоносную сталь

В этом эпизоде — символический ключ к философии не только боевых искусств Востока, но и самой жизни. Ключ к древней даосской идее недеяния, кажущейся совершенно абсурдной, если ее понимать чересчур буквально. Но недеяние — это не вялый, изнеженный сибаризм Обломова, а сжатая пружина, распрямляющаяся в *надлежащий* момент. Стержень этой самобытной философии — в призыве следовать мировой гармонии, и в этом смысле недеяние может быть расценено не как реальное бездействие, а как отказ от общепринятой имитации «деятельности», попытка выскользнуть из беличьего колеса бессмысленной суеты, связанной с охотой за чинами, почестями и т.д. Недеяние — это деятельность, сообразная времени и обстоятельствам к чему проламывать стены, если у каждой из дверей к тайнам мироздания есть свой потаенный ключик? К чему рубить с плеча там, где можно до поры до времени отложить меч, а то и вовсе не братья за него? А если и братья — то лишь в должный час, уподобляясь ветке сакуры, которая покорно сгибается под тяжестью падающего снега с тем, чтобы, неожиданно распрямившись, сбросить его со своих «плеч»

Кто знает, может, эта ветвь станет символом не только терпеливой мудрости Востока, а и нашего времени, сменив заржавелый меч Александра Македонского, которым мы и по сей день лихо рассекаем гордые узлы неподатливых социальных и личных проблем?

ПРИМЕЧАНИЯ

Игнатович А. Н. Буддизм и даосизм в Японии // Дао и даосизм в Китае — М., 1982 — С. 194

² Судя по всему, этот князь был человеком разносторонних дарований, он не только владел кистью литератора, но и играл на цине — старинном музыкальном инструменте. Был прост в общении и добр к народу. К тому же, как говорили, увлекался астрологией, магией и алхимией, искал эликсир бессмертия. Однако жизнь его оборвалась трагически подготавливаемый им мятеж против двора был разоблачен. Лю Ань пришлось покончить с собой, а весь его род истребили. Но популярность опального князя была в народе столь высока, что в появившемся впоследствии «Житии святых» Гэ Хуна (284-363 гг.) рассказывается, что Лю Ань не умирает — а живым возносится на небо.

³ Юань Мэй Новые [записи] Ци Се, или О чем не говорил Конфуций. — М., 1977 — С. 98.

⁴ Есть место, где о дао прямо говорится: «О глубочайшее! Оно кажется трагичнее всех вещей.»

⁵ Так, например, уже столетия спустя выглядел высившийся на пять метров золотой макет дворца богдыхана (Корнилов Н.И., Солодова Ю.П. Ювелирные камни. — М., 1982).

⁶ Атеисты, материалисты, диалектики Древнего Китая — М., 1967 — С. 214-215

⁷ Цит. по: Рубин В.А. Идеология и культура Древнего Китая — М., 1970 — С. 135.

⁸ Древнекитайская философия. Эпоха Хань. — М., 1990. — С. 51

⁹ Позднеева Л.Д., Померанцева Л.Е. Литература Древнего Востока. — М., 1971 — С. 307

¹⁰ См.. Древнекитайская философия. — С. 51, 59.

¹¹ Так, современный отечественный синолог В.Г.Буров пишет: «Даосы отрицали не любую активность, а только такую, которая противоречит «естественности». Неприятие современной им действительности сопровождалось у них критикой чуждых человеческой натуре и космическому порядку общественных установлений» Они против деспотизма, а не социальной организации как таковой (Буров В.Г. Философия ханьской эпохи // Древнекитайская философия. — С.18).

¹² См.. Древнекитайская философия. — С. 70-76

¹³ У-шу: философия движения. — М., 1990. — С. 47

¹⁴ См. Пронников А.В., Ладанов И.В. Японцы Этнопсихологические очерки — М. 1985 — С. 314, 313

ИЗ КИТАЙСКОЙ МУДРОСТИ

Знающие не говорят, говорящие не знают. Кто оставляет свои желания, отказывается от страстей, притупляет свои стремления, освобождает свои мысли от путаницы, умеряет свой блеск, сводит воедино то, что познал, тот представляет собой тождество глубочайшего. Его нельзя приблизить для того, чтобы породниться. Его нельзя приблизить для того, чтобы им пренебрегать. Его нельзя приблизить для того, чтобы им воспользоваться, его нельзя приблизить для того, чтобы его возвысить; его нельзя приблизить для того, чтобы его унижить. Вот почему он всюду уважаем.

Лао-цзы

Кто многое сберегает, тот несет большие потери, кто много накапливает, тот терпит большие убытки. Кто знает меру, у того не будет неудачи. Кто знает предел, у того не будет опасности. Он становится долговечным.

Лао-цзы

Кто умер, но не забыт, тот бессмертен.

Лао-цзы

Когда житницы и кладовые полны, люди знают, что такое этика и долг.

Когда люди сыты и одеты, они понимают, что такое слава и позор. Если старшие соблюдают закон, отношения между родными незыблемы. Если четыре бечевы (мораль, долг, бескорыстие и стыд) не натянуты, государство гибнет.

Князь Гуань Чжун

Знать, когда следует дать, чтобы потом снова взять, — вот что больше всего ценится в политике.

Гуань Чжун

..Этикет запрещает совершить преступление до того, как оно совершилось; закон применяется после того, как преступление совершилось.

Сыма Цянь

..Известно, что огромная масса людей в едином порыве может поколебать небо. Но как только небо утвердится, оно сокрушит людей.

Сыма Цянь

..Просвещенный и мудрый правитель всегда оценивает силу своего внешнего противника и взвешивает свои внутренние силы. Мудрый правитель не ждет, пока две армии, готовые к бою, выстроятся одна против другой и в схватке решится победа, — предвидение победы или поражения уже вырисовывается в его голове.

Сыма Цянь

В царстве у того, кто умеет управлять собой, не бывает смут, в царстве у того, кто не умеет управлять собой, не бывает порядка.

Чжань Хэ (даосский философ)

..В одном из тысячи дел даже мудрец совершит ошибку, а дурак одно из тысячи дел сделает правильно. Поэтому и говорят «В том, что сказал глупец, мудрец умеет найти полезное для себя».

Правитель Гуань

Выдыхать старое и вбирать в себя новое — вот искусство, руководящее высшим стремлением и питающее жизнь человека!

Чжуанцзы

Принимай меры, пока не возникла смута, всякое дело делай заранее.

Сыма Цянь

Мудрый правитель должен выслушивать, когда ему говорят о его недостатках, но никогда не станет слушать о своих достоинствах!

Су Дай

...Небо дает человеку начало, а родители служат ему основой. Когда человек доходит до конца, он всегда возвращается к основе. Поэтому тот, кто страдает от тяжелых трудов и нужды, взывает к небу; тот, кто страдает от невыносимой боли, зовет отца и мать.

Сыма Цянь

...Когда государство гибнет, когда на него одно за другим обрушиваются несчастья и при этом не находится мудрого правителя, способного навести порядок в стране, тогда людей преданных называют изменниками, людей достойных — глупцами.

Сыма Цянь

...Моря глубоки потому, что принимают в себя без разбора все мелкие ручьи. Ваны (цари) прославляются только потому, что не отталкивают от себя народ.

Ли Сы

...Мудрец, не имея постоянного места, всегда странствует и приспосабливается к требованиям времени, он видит суть дела и всегда оглядывается назад. Это свойственно всему живому. Это — постоянный закон!

Ли Сы

Когда миром управляет благородный муж он дает возможность каждому выражать свои чувства и удовлетворять свои желания, не противореча Пути Истины. Зло от подавления желаний больше, чем от потопа: оно убивает разум и подавляет человеколюбие.

Дай Чжэнь (философ-просветитель)

Всеобщая любовь восстановит равенство между людьми, ибо если чужое государство любить, как свое, чужой

дом, как свой, к другим людям относиться, как к себе, то в мире не будет сражений, хищений, убийств.

Мо-цзы (Мо-ди)

...Благородные мужи (конфуцианцы. — Ю.Б.) постигли обряды и долг, но невежественны в познании человеческого сердца.

Чжуанцзы

Благонравный человек не мечтает о лучшей доле. Небо в благодарность за его бескорыстие одаривает его счастьем. Низкий человек старается избежать беды. И Небо в отместку за его суетность лишает его разума. Нельзя не видеть: воля небес всего мудрее. Что может против нее человеческое разумение?

(Афоризмы старого Китая. — М., 1988)

Не взять то, что даровано Небом, значит, себя наказать. Не действовать, когда приходит время, значит, себя погубить.

(Там же)

Посмотри на дела мудрых правителей. В древности Цзе вызвал смуту, а У навел порядок. Народ и страна не изменились, однако при Цзе и Чжоу в Поднебесной были смуты, а при Тан и У — порядок. Как же можно говорить о существовании судьбы?

Мо-цзы

Мудрецы при управлении государством не полагались на то, что люди станут добры ради них, а управляли так, что люди не могли делать дурного...

Фэй-цзы

В строгой семье не бывает непокорных рабов, а у любящей матери бывают погибшие дети. Из этого я заключаю, что власть может пресечь жестокость, а обильная добродетель недостаточна сама по себе для прекращения беспорядков.

Фэй-цзы

Если (люди) увеличивают свое добро и экономно его расходуют, то небо не может сделать (их) бедными. Если (они) своевременно берегут свое здоровье, то небо не может сделать (их) больными. Если они соблюдают дао (естественный закон) и не допускают ошибок, то небо не может сделать (их) несчастными. В таком случае наводнение и засуха не могут принести (людям) голод; холод и жара не могут принести (им) болезнь, нечистые силы не могут принести (им) несчастье.

Сюнь-цзы

Учитель Лецзы сказал:

— Небо и земля не всетворящи, мудрецы не всемогущи, тьма вещей не удовлетворяет все нужды. Дело неба порождать и покрывать сверху, дело земли — формировать и поддерживать все снизу, дело мудрых — обучать и просвещать, (каждой из) вещей присуще (ее) дело, однако и у неба есть недостатки там, где у земли преимущества, и вещи постигают то, в чем мудрецы терпят неудачу. Отчего? Оттого, что порождающее и покрывающее (небо) не способно формировать и поддерживать, формирующая и поддерживающая (земля) не способна обучать и просвещать, обучающие и просвещающие (мудрецы) не способны действовать вопреки тому, что присуще (вещам, а вещи) — не способны выйти за пределы того определенного, что им присуще... Все они (Небо, земля и т.д. — Ю.Б.) следуют за присущим им и не способны выйти за его пределы.

*(Атеисты, материалисты,
диалектики Древнего Китая. —
М., 1967)*

Учитель Лецзы, направляясь в Вэй, решил закусить у дороги. Его спутники заметили столетний череп и, отогнув полынь, показали учителю.

Посмотрев (на череп, Лецзы) сказал...

— Только мы с ним понимаем, что нет ни рождения, ни смерти. Как неверно печалиться (о смерти)! Как неверно радоваться (жизни)!

(Там же)

Человек, полный веры, способен воздействовать на вещи, растрогать небо и землю, богов и души предков, пересечь (вселенную) с востока на запад, с севера на юг, от зенита до надира. Не только пропасть, омут или пламя — ничто его не остановит...

(Там же)

Мастер игры (со ставкой) на черепицу станет волноваться при игре на (серебряную) застужку и потеряет рассудок при игре на золото. Искусство одно и то же, но стоит появиться ценному, и внимание перейдет на внешнее. Внимание же к внешнему всегда притупляет внимание к внутреннему.

(Там же)

Ян Чжу сказал:

— Кто помнит о деяниях далекой древности? (Они исчезли)... Умные и глупые, красавцы и уродцы, победители и побежденные, правдивые и лживые — все исчезли, (различен) лишь срок — медленнее или быстрее. Какова же радость жизни? Гордиться тем, что в какой-то миг тебя славят или поносят? Сжигать свой разум и утруждать свое тело ради посмертной славы на сотни лет? Разве от нее ожидают иссохшие кости?

(Там же)

Трудность управления царством не в том, чтобы самому быть умным, а в том, чтобы находить умных.

(Там же)

Лусский царь Айгун спросил у Яня Врата Бытия:

— Будет ли лучше в царстве при Конфуции? Я считаю его даровитым деятелем.

— (Он) Опасен! (Быть) беде! — ответил Янь Врата Бытия. — Конфуций разрисовывает даже фазаны перья. Занимаясь лишь цветистыми речами, выдает побочное за главное. Терпеливо поучает народ, не зная (его) и (ему) не доверяя. Воспринимая (лишь свои) мысли, управляя (лишь своим) умом, разве достоин (он) стоять над народом? Считать его пригодным, кормить (его) можно лишь по ошибке.

(Он) ныне велит народу уйти от сущности, учиться лицемерию — это не то, чему следует поучать народ. Лучше от этого отказаться, (а не то) трудно будет управлять, достанется забот и последующим поколениям.

(Там же)

Искусный трудится, знающий печалится, неспособный же ни к чему не стремится. Наевшись досыта, скитается в праздности, подобно отвязавшемуся в половодье челну, пустой движется по воле волн.

(Там же)

Младенец, родившись, способен овладеть речью и без великого учителя, (ибо) живет вместе с говорящими.

(Там же)

Кипарисовый Наугольник, учась у Лао-цзы, сказал:

— Дозвольте странствовать по Поднебесной.

— Оставь, — ответил Лао-цзы. — Поднебесная (всюду) одинакова.

Кипарисовый Наугольник повторил свою просьбу, и Лао-цзы сказал:

— Откуда же ты начнешь?

— Начну с Ци, — ответил Кипарисовый Наугольник. — Приду туда, увижу казненного, подниму его и поставлю, сниму (с себя) придворную одежду, прикрою его и стану оплакивать, взывая к Небу: «Сын (мой)! Сын (мой)! Поднебесную постигло великое бедствие, и ты первый пал его жертвой! Говорят: «Не становись разбойником! Не становись убийцей!» Но с тех пор, как возвели (в закон) славу и позор, появились и пороки; с тех пор, как стали копить товары и имущество, начались и тяжбы. Ныне возвели (в закон) то, что ожесточает людей; накопили то, из-за чего ведутся тяжбы; довели людей до крайности, лишив их покоя. Как же можно теперь предотвратить (злодеяния)! Древние государи за (все) блага воздавали (хвалу) народу, а во всех бедах (винили) себя; (все) истинное видели в народе, а заблуждения — в себе. Поэтому только один царь терял свое тело и, порицая себя, уходил (из жизни). Ныне же (все) по-иному. Скрывают происшедшее и (порицают) не ве-

дающих о нем за глупость; поставят невыполнимую задачу и осудят за отсутствие смелости; возложат тяжкие обязанности и покарают за то, что с ними не справились; (пошлют) дальней дорогой и казнят за опоздание. Люди же, зная, что сил не хватит, заменяют их притворством. С каждым днем все больше лицемерия (у высших). Как же могут не лицемерить и мужи, и народ? Ведь если не хватает силы, притворяются; не хватает знаний — обманывают; не хватает имущества — грабят. Но кого же (тогда) можно обвинять за кражу?

(Там же)

Доверить Поднебесную можно лишь тому, кто не будет жаждать управлять Поднебесной.

(Там же)

Злых свойств — пять. Основное — считать главными (собственные) достоинства. Что это означает? Это значит преувеличивать собственные достоинства и порицать тех, кто поступает по-иному

(Там же)

Лао-цзы сказал: «(кто), сознавая свою мужественность, соблюдает женственность, становится для Поднебесной (главным руслом). Кто, сознавая свою чистоту, соблюдает стыдливость, становится для Поднебесной долиной. Все предпочитают быть первыми. Лишь он предпочитает быть последним.

(Там же)

Высоченный Боязливый спросил у Лао-цзы:

— (Если) не навести порядок в Поднебесной, как исправить людские сердца?

— Будь осторожен, — ответил ему Лао-цзы. — Не тревожь человеческого сердца! Стоит его низвергнуть — человек возгордится. Так он и превращается то в раба, то в убийцу. Сердце может быть нежным и слабым. Твердым словно резец. Оно то вспыхивает словно пламя, то станет холодным как лед. В покое оно не дрогнет в движении — устремится к

небесам. Оно своевольное, гордое, его не обуздать. Вот каково человеческое сердце!

(Там же)

Истинное — высшая искренность, высшее чистосердечие. Без искренности, без чистосердечия нельзя взволновать других. Поэтому плач по принуждению не вызывает печали даже в скорби; гнев по принуждению не вызывает страха даже перед великим; любовь по принуждению не вызывает согласия даже в улыбке. При истинной скорби не голосят, а печалются; при истинном гневе не кричат, а внушают страх; при истинной любви и без улыбок царит согласие. При истинном внутри волнение проявляется и во внешнем — вот в чем истинное...

(Там же)

Мудрый видит все связи между собой и другими в единстве, (сам) не ведая почему, — таков (его) характер. Отвечая колебаниям жизни, (он) считает своим учителем природу. Люди же вслед называют его (учителем).

(Там же)

Добродетель, переливаясь через край, (переходит) в славу; слава, переливаясь через край, (переходит) в насилие. Замыслы возникают в крайности. Знания появляются в спорах. Независимость появляется у того, кто упорно стоит на своем. Дело начальников будет успешным, если народ признает его должным.

(Там же)

Все те, кто не способен наслаждаться своими мыслями и желаниями, поддерживать жизнь многие годы, не понимают пути...

(Там же)

Гуань Чжуна спросили: «Что значит заботиться о своей жизни?» Он ответил: «Жить свободно, и только...»

Позволить ушам слушать то, что хочется; позволить глазам смотреть на то, что хочется; позволить носу обонять то, что хочется, позволить устам говорить то, что хо-

чется; позволить сердцу мыслить так, как хочется... телу хочется найти покой в прекрасном и приятном — и мешать ему — значит лишать его хорошего самочувствия; мысли хочется свободы, и мешать ей — значит не давать ей идти вперед. Все эти препятствия — жестокие деспоты. Устранишь этих жестоких деспотов — и (проживешь) радостно вплоть до смерти — и день, и луну, и год, и десять лет. Это я называю заботиться о жизни. Свяжешь (же) себя этими жестокими деспотами, станешь неотступно обуздывать себя и (жить) в скорби и заботах во имя долголетия, так (проживи) пусть даже сто лет, тысячу лет, тьму лет — это не то, что я называю заботиться о жизни»

(Там же)

Удали то, что расстраивает волю; освободи сердце от неясности, удали то, что обременяет свойства, убери с пути все препятствия. Богатство и знатность, почет и величие, слава и выгода — эти шесть расстраивают волю; внешность и поза, красота и хитроумие, дыхание и чувства — эти шесть опутывают сердце, ненависть и любовь, радость и гнев, печаль и наслаждения — эти шесть обременяют свойства; согласие и отказ, займы и возврат, знания и способности — эти шесть преграждают путь. Когда эти четыре шестерки не волнуют грудь, (приходит) беспристрастие. Беспристрастие ведет к покою, покой — к ясности, ясность — к пустоте, пустота — к недеянию, (которое) все совершает

(Там же)

НАЗИДАТЕЛЬНЫЕ РАССКАЗЫ И ИСТОРИИ

Послушник мечтает о тигре

Один буддийский монах с горы Утайшань взял себе в послушники мальчика, которому было три года.

Гора Утайшань очень высокая, а монах с мальчиком жили на самой ее вершине, занимались самосовершенствованием и ни разу не спускались вниз.

Лет через десять с лишним монах и послушник спустились с горы, и послушник впервые увидел волков, лошадей, петухов, собак.

Поэтому монах стал объяснять ему:

— Вот это вол, на нем можно пахать поле; а это лошадь, на ней можно ездить верхом. Это — петух, он может возвещать рассвет; а это — собака, она может сторожить дом.

Послушник кивал в ответ.

Вскоре мимо них прошла молоденькая девушка.

— А это что? — спросил послушник.

Монах, не желая, чтобы его ученик думал о подобных существах, ответил с серьезным видом:

— Это тигр; всякого, кто к нему приблизится, он пожирает, не оставляя даже косточек.

Вечером, когда они поднялись обратно в гору, монах спросил:

— Ну, понравилось тебе какое-нибудь существо из тех, что ты сегодня видел под горой, или нет?

— Никто не понравился, — ответил послушник. — Только этот тигр, что пожирает людей, очень понравился. Никак из головы не идет.

(Юань Мэй. Новые [записи] Ци Се, или О чем не говорил Конфуций. — М., 1977)

Любопытная сценка и не менее любопытное объяснение происшедшего

Ле, Защита Разбойников, стрелял (на глазах) у Темнеющего Ока: натянул тетиву до отказа, поставил на предплечье кубок с водой и принялся целиться. Пустил одну стрелу, за ней другую и третью, пока первая была уже в полете. И все время оставался (неподвижным), подобным статуе.

— Это мастерство при стрельбе, но не мастерство без стрельбы, — сказал Темнеющее Око. — А смог бы ты стрелять, если бы взошел со мной на высокую гору и встал на камень, висящий над пропастью глубиной в сотню женей?

И тут Темнеющее Око взошел на высокую гору, встал на камень, висящий над пропастью... отступил назад (до тех пор, пока его) ступни до половины не оказались в воздухе, и знаком подозвал к себе Защиту Разбойников. Но тот лег лицом на землю, обливаясь потом (с головы) до пят

— У настоящего человека, — сказал Темнеющее Око, — душевное состояние не меняется, глядит ли (он) вверх в синее небо, проникает ли вниз к желтым источникам (царство мертвых), странствует ли ко всем восьми полюсам (сторонам света). Тебе же ныне хочется зажмуриться от страха. Опасность в тебе самом!

(Атеисты, материалисты, диалектики Древнего Китая)

Готов ли петух к бою!

Цзи Синцзы тренировал бойцовского петуха для чжоуского царя... Через десять дней (царь) спросил:

— Готов ли петух к бою?

— Еще нет. Пока самонадеян. Попусту кичится.

Через десять дней (царь) снова задал (тот же) вопрос.

— Пока нет. Еще бросается на (каждую) тень, откликается на (каждый) звук.

Через десять дней (царь) снова задал (тот же) вопрос.

— Пока нет. Взгляд еще полон ненависти. Сила бьет через край.

Через десять дней (царь) снова задал (тот же) вопрос.

— Почти (готов). Не встревожится, пусть даже услышит (другого) петуха. Взгляни на него — будто вырезан из дерева. Полнота его свойств совершенна. На его вызов не посмеет откликнуться ни один петух — повернется и сбежит.

(Там же)

Вот и я хочу волочить хвост по земле

(Когда) Чжуанцзы удил в реке... от чуского царя прибыли два знатных мужа и передали (ему слова царя): «Хочу обременить (вас службой) в (моем) царстве»

Не выпуская из рук удочку и не оборачиваясь, Чжуанцзы так (им) сказал:

— Слышал я, что в Чу есть священная черепаха. Три тысячи лет как она мертва, и цари хранят (ее) в храме предков. Что лучше для черепахи: быть мертвой, чтобы почитали и хранили ее панцирь, или быть живой и волочить хвост по земле?

— Лучше быть живой и волочить хвост по земле, — ответили знатные мужи.

— Вот и я хочу волочить хвост по земле. Уходите!
(Там же)

Плывя по реке, уский царь поднялся на Обезьяню гору. Увидев его, стадо обезьян в испуге (все) побросало, разбежалось и укрылось в непроходимой чаще. Только одна обезьяна беспечно прыгала то туда, то сюда, (как бы) хвастаясь (своим) искусством перед царем. Царь в нее выстрелил, но она ловко поймала стрелу. Царь велел (своим) помощникам стрелять непрерывно, обезьяна же упорствовала до смерти.

Обернувшись, царь сказал своему другу, Красавцу Без Сомнений

— Эта обезьяна, пренебрегая мною, хвасталась своей ловкостью, надеялась на свою изворотливость — и погибла. Ах! Пусть это (послужит тебе) предостережением! Не гордись перед людьми своей красотой!

Вернувшись домой, Красавец Без Сомнения обратился к Дуну Платану за наставлениями, как избавиться от своей красоты, отказаться от наслаждений и знатности. Прошло три года, и люди царства стали его хвалить.

(Там же)

Бесполезное мастерство

Чжу Легкомысленный. (учился) убивать драконов. Разорил (свою) семью, (обладавшую) тысячей золотом, и за три года овладел мастерством. Однако своему искусству (он) не нашел применения (Так как ни разу не встретил ни одного дракона.)

(Ларец мудрости.)

Древние китайские басни. — М., 1961)

Что важнее

Однажды лодочник перевозил через реку почтенного старца. Старец неосторожно наклонился за борт лодки, упал в воду и стал тонуть. Но лодочник прыгнул вслед за старцем, схватил его за одежду и втащил в лодку.

— Очень благодарен тебе, — сказал старец. — Без твоей помощи я утонул бы.

— Да, это так, — сказал самодовольно лодочник. — Позвольте спросить вас, куда вы направляетесь?

— Я еду в княжество Лян... Меня пригласил князь. Он просит меня быть его советником.

Выслушав такой ответ, лодочник воскликнул с удивлением и досадой:

— Мир устроен несправедливо! Вы совсем не умеете плавать. Я же плаваю, как рыба. Почему же князь избрал своим советником вас, а не меня?

Старец ответил:

— Ты — лодочник, и потому убежден, что самое важное — уметь плавать. Крестьянин же убежден, что главное — уметь выращивать рис. Охотник думает, что княжеству больше всего нужен тот, кто знает повадки зверя. Воин считает, что для княжества важнее всего люди, умеющие стрелять без промаха. Но все они ошибаются. Истина в другом. Нужно, чтобы одни люди прекрасно плавали, а другие прекрасно выращивали урожай. Нужно, чтобы одни люди прекрасно знали повадки зверей, а другие умели бы без промаха стрелять из лука. Только тогда княжество будет могучим и богатым. Но ты не постиг этой истины и потому будешь до конца своих дней лодочником. Я же, дряхлый старик, не умеющий плавать, буду помогать князю управлять государством.

(Там же)

Помогай живому

Чжуанцзы был очень беден. Однажды... он пошел к богатому соседу и попросил в долг один лян серебра. Но тот был жаден и хотел бы подольше не расставаться с деньгами.

И он сказал:

— Надолго ли хватит вам одного ляна серебра? Приходите через месяц, и я вам дам 30 лян. Тогда вы сможете прожить без нужды много дней. Видите, какой я добрый: вы просите всего лян, а я даю тридцать!..

Чжуанцзы ответил:

— По дороге к вам я заметил в пересохшем ручейке рыбу. Она задыхалась и умоляла плеснуть на нее два-три ведра воды из ближайшего колодца. Я сказал рыбе:

— Надолго ли хватит тебе двух-трех ведер воды? Подожди неделю, у меня будет свободное время, и я напивно пересохший ручеек прозрачной водою.

Воскликнула рыба:

- Сейчас меня спасут от смерти два-три ведра... Через неделю меня не вернут к жизни и океаны воды!
- К чему вы рассказываете это?...
- К тому, чтобы вы уяснили: помогать надо живым, а не мертвым.

(Там же)

Почему умерла чайка

Жители княжества Лу никогда не видели моря. Но случилось так, что в их княжество залетела морская чайка. Она совсем не была похожа на тех маленьких разноцветных птичек, что порхали с песнями в лесах... княжества Лу. Диковинную птицу поймали и принесли к князю.

Князь увидел чайку, удивился и сказал:

- Таких птиц на земле не бывает. Значит, это небесное существо. И потому приказываю всем относиться к этой птице как к существу божественного происхождения.

Чайку поместили в самом лучшем храме.

Трижды в день являлись в храм княжеские музыканты и исполняли в честь божественного существа приятнейшие мелодии. Но морская чайка никогда не слыхала прежде ни ударов гонга, ни барабанного боя. И каждый раз, когда музыканты ударяли в гонги и били в барабаны, у чайки от страха замирало сердце.

Трижды в день приносили ей слуги на золотом подносе душистые ананасы. Но чайка привыкла есть обыкновенную рыбу... и она не прикасалась к ним.

Трижды в день приносили ей в серебряном кувшине наилучшее княжеское вино. Но чайка могла пить только морскую воду...

От постоянного страха, голода, от жажды морская чайка умерла. Слуги донесли об этом князю, и он, опечаленный, воскликнул:

- Разве не услаждал я слуха божественного существа игрою лучших своих музыкантов? Разве не кормил его прекрасными яствами. Разве не поил его столетними винами? Почему же оно не захотело жить?

Князь так и не понял, что бедная чайка умерла от неуместных забот. Ибо если нельзя с человеком обращаться, как

с птицей, то и с птицей нельзя обращаться, как с человеком.

(Там же)

Добро без ума

Когда-то «жил император, который любил птиц. Он узнал, что мальчишки стреляют в голубей... и объявил:

- Кто принесет во дворец живую птицу, тот получит горсть риса.

Услышав об этом, мальчишки перестали стрелять в голубей. Они наставили в лесу множество силков, и вскоре дворцовые комнаты наполнились голубями.

Случилось, что императора навестил мудрец из соседнего княжества. Он увидел во дворце голубей и спросил:

- Зачем столько птиц?

Император ответил:

- У меня доброе сердце, и я спасаю их от мальчишек. Они не бьют голубей, а приносят их мне живыми.

- Кто же кормит птенцов? — поинтересовался мудрец.

- Каких птенцов? — спросил император.

- У птиц, которые живут теперь в комнатах дворца, остались в лесу бесполезные птенцы. Кто их кормит?

- Об этом я не думал, — признался император.

Тогда мудрец сказал:

- У вас доброе сердце, вы любите птиц, но никто не принес им столько зла, сколько вы. Все гнезда в ваших лесах наполнены сейчас мертвыми птенцами. Вы спасли пятьсот голубей, но погубили в пять раз больше!

— Ах как трудно быть добрым! — воскликнул огорченный император.

На это мудрец заметил:

- И добро надо делать с умом. Ум без добра — плохо, но и добро без ума не лучше».

(Там же)

Кого ценят?

Один любопытный ученик спросил учителя:

- Скажите, пожалуйста, кого люди больше ценят, — тех, кто говорит много, или тех, кто говорит мало?

Учитель ответил:

— С утра и до утра кричат на болоте лягушки. Но никто не обращает на них внимания. Петух же кричит только на заре, — и люди слушаются его: встают и принимаются за работу.

(Там же)

Не гонись за красотой

— Си Ши была самой красивой девушкой в округе. Однажды у нее сильно разболелся зуб, а лекаря поблизости не было. От боли Си Ши морщилась, стонала, и вид у нее был самый несчастный.

— Бедняжка! — восклицали женщины. — Посмотрите, как она страдает!

Мужчины же говорили:

— Стрдание придает ее лицу еще большую красоту!

А поблизости жила девушка обыкновенной внешности. Но ей очень хотелось быть такой же красивой, как Си Ши. Она услышала слова мужчин и решила, что страдания придают людям красоту.

И с этого дня девушка начала постоянно стонать, закрывать глаза, морщить лоб. И тогда лицо ее становилось столь уродливым, что все соседи отводили глаза в сторону, чтобы только не видеть его.

Значит, правы старые люди: чем сильнее гонишься за красотой, тем дальше от нее оказываешься.

(Там же)

Мертвый хэшан

Один даос, блуждая, как облако, на закате солнца, остановился на ночлег в храме, стоявшем в глуши. Видя, что келья хэшана (буддийского монаха) заперта на замок, он разостлал свой камышовый кружок в коридоре, поджал ноги и уселся.

Когда наступила ночная тишина, он услышал скрип распахиваемой двери и увидел, что к нему направляется какой-то хэшан. Все его тело было измазано кровью. Он делал вид, что не замечает даоса. Даос тоже притворился невидящим его.

Хэшан прошел прямо в храм, влез на престол Будды, обнял его голову и засмеялся. Пробыл в таком положении некоторое время и тогда лишь ушел.

На рассвете даос посмотрел на келью: дверь ее была по-прежнему заперта. Это его удивило. Пошел в деревню и рассказал, что видел. Отправились толпой в храм, вскрыли замок, стали осматривать.

Оказалось, что хэшан убит и лежит мертвый на полу. В келье — его постель, сундуки — все перевернуто вверх дном. Ясно, что он стал жертвой грабителей.

Затем всем показалось, что мертвый дух смеялся неспроста. Пошли осмотреть голову Будды. И там, на затылке, увидели еле заметную зарубку. Расковыряли — внутри оказались спрятанными тридцать с чем-то лан. На эти деньги и похоронили хэшана.

Историк этих странностей скажет по этому поводу следующее:

Есть пословица, что деньги слиты с жизнью. Не попусту, знаете, так сказано!

Подумайте: человек экономит, скряжничает, копит, запасаает, чтоб отдать все это неизвестно кому. И это глупо! А что сказать тогда про монаха, у которого нет даже этого неизвестного?

Он, видите ли, при жизни своей не решался воспользоваться деньгами, а по смерти любовался на них и смеялся. . Вздоха заслуживает такой раб денег!

Будда говорил: деньги с собой не унесешь, лишь дела твоей жизни пойдут за твоим телом...

(Пу Сун-лин. Избранное. — М., 1957)

Бондаренко Юрий Яковлевич

ЭТИКА ПАРАДОКСОВ (Очерк этики и философии даосизма)

Редактор О.И.Проценко. Мп.редактор И.В.Яковлева. Худож.редактор М.А.Бабичева Техн.редактор Т.В.Луговская. Корректор Н.К.Пехтерева

ИБ № 12220

Подписано к печати с оригинала-макета 09.06.92. Формат бумаги 70x108 1/32. Бумага тип № 2. Гарнитура «Журнально-рубленая». Печать высокая. Усл. печ.л 2,80. Усл. кр.-отт 2,80. Уч.-изд. л. 3,29. Тираж 44400 экз. Заказ 594. С-110. Издательство «Знание» 101835, ГСП, Москва, Центр, проезд Серова, д. 4. Индекс заказа 921204. Типография общества «Знание». Москва, Центр, Новая пл. 3/4.